

МОЛОДЕЖНЫЙ ТРИЛЛЕР, АНТИУТОПИЯ

ЕЛЕНА ФИЛОН

Е
S
C
A
P
E

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Елена Филон

Эскейп

«Автор»

2018

Филон Е.

Эскейп / Е. Филон — «Автор», 2018

Игра на выживание, квест, жажда острых ощущений, побег, случайность. У каждого из игроков своя причина, запершая их в одном помещении. Двенадцать человек разных социальных классов: от представителей высших слоёв общества до неклассифицированных индивидуумов, не одобренных системой. Заброшенное здание, множество комнат, ограниченное время, роли, что раздаёт рулетка... И расплата за каждый неверный ход. Готов ли ты сыграть в игру? В игру ли?.. Берегись, тайны всегда становятся явными. Опасайся не тех, кто следит за тобой издалека, а тех, кто находится рядом. Твоя очередь крутить рулетку. Содержит нецензурную брань.

© Филон Е., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Глава	6
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	25
Глава 5	29
Глава 6	35
Глава 7	39
Глава 8	45
Глава 9	51
Глава 10	57
Глава 11	62
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Елена Филон

Эскейп

Глава

Недалёкое будущее

Тёмное тесное помещение – коробка, – и я в нём, бьюсь кулаками о стены, дура наивная. Будто мои кулаки способны проломить толщу этой бетонной конструкции.

Под ногтями кровь запёкшаяся, костяшки пальцев содраны практически до голой кости, тело – сплошной синяк. В прямом смысле – синяк; осматриваю тощие обнажённые ноги, впалый живот, предплечья... живого места на мне нет. Как и нет места чему-либо живому внутри меня, словно... словно я умерла. Не чувствую, что существую. Будто призраком стала, а эта стальная клетка – моим новым домом.

Слабость в ногах нарастает с каждой секундой, колени подгибаются, и я падаю... падаю... падаю... Лечу в пропасть, проваливаюсь. Будто в чёрную пасть огромного зверя, вот-вот и зубы кланцнут, а я навсегда останусь внутри собственного кошмара. Погибну здесь, исчезну, существовать перестану.

Больно. Страшно. И в то же время облегчение приносит, странное такое...

Хлопок. Лицо будто огнём обожгло.

– Проснись!

Хлопок.

– Проснись же!

Веки будто налитые свинцом, с трудом приоткрыть получается, как и взгляд сфокусировать едва удаётся: чьё-то лицо, как на волнах из стороны в сторону раскачивается, плавно так, гипнотизирует. И тошнота к горлу подкатывает, так резко, что с трудом удаётся подавить порыв; хочется схватиться за горло, которое жутко саднит, и сдавить, что есть силы.

– Прости. Не могла тебя разбудить, – молвит тот же девичий голос, и мой туманный взгляд, наконец, фокусируется, обнаруживая большие карие глаза чересчур близко расположенные к переносице, которые смотрят с беспокойством. Кажется, даже с искренним.

И будто звон в голове раздаётся. Так внезапно, что хочется громко завывать! Кусаю нижнюю губу, сдавливаю виски ладонями и зажмуриваюсь до белых пятен перед глазами.

– Последствие «сонного газа», – доносится до сознания женский голос. – Скоро пройдёт. Меня Марша зовут. А мы тут... – И замолкает резко: то ли потому что видит, что мне сейчас не до неё, то ли переключила внимание на что-то более важное.

– Какого хрена вообще? – Всё же внимание переключила. – Что за фигня?! – орёт кто-то басом нездоровым.

– Расслабься, Чед, – женский смехок кажется легкомысленным, и я всё же беру контроль над адской головной болью и украдкой осматриваюсь.

Сижу на грязном полу большого помещения, напоминающего... стоп. Да это и есть спортивный зал! По первому впечатлению – школьный. Разметка на полу, поваленные на бок футбольные ворота – с одной стороны, с другой – завал из старых матов, покрытых слоем пыли. Побелка на высоком потолке давно пожелтела и покрылась «волдырями», которые вот-вот «лопнут», а кое-где уже успела на пол обрушиться. Стены сплошь изрисованы граффити, большинство из которых напоминают неприличные жесты, остальные пестрят фразами с выражениями, от которых язык запросто может отсохнуть. Из освещения – несколько длинных люминесцентных ламп в защитных футлярах и парочка «голых» лампочек свисающих с потолка на голых проводах. Высокие окна расположены лишь вдоль одной из стен. Точнее – то, что некогда было окнами, пока стёкла не заменили стальные пластины укрепленные решётками.

«Насколько прочные решётки?» – первый вопрос.

«Как крепко держатся пластины?» – вопрос номер два. Если бы пластины обеспечивали стопроцентную защиту от возможного побега, в решётке не было бы нужды.

«Что вообще происходит?» – главный вопрос.

Перевозу взгляд на группу людей собравшихся у лишённых сетки футбольных ворот и насчитываю троих. Ещё трое у белой, очевидно запертой, двери. Один парень у внушительного вида чёрной двери с мощным вентиляем вместо ручки и красной надписью «Exit». Ещё двое парней заняли дальний угол и негромко переговариваются, будто не впервые видят друг друга, а недалеко от них на полу развалился ещё один представитель сильного пола и будто в некой прострации находится.

И последний – ещё один парень... в углу напротив, сидит и не шевелится даже. На голове капюшон от светлой куртки, обхватил себя сзади за шею ладонями, а лбом в колени уткнулся. Спит?

Итого – двенадцать человек включая меня.

– Да это же просто игра, идиоты! – женский смешок переключает моё внимание на темнокожую девушку с миловидным лицом, ярким макияжем и копной мелких кудряшек. – Обычная игра! Всё подстроено! Чего в штаны наложили-то?

«Игра? Какая ещё игра?»

Девушка оказывается у белой двери, отталкивает в сторону низкорослую брюнетку в ярко-жёлтом спортивном костюме, которая не без труда избегает встречи с полом, и с громким лязгом ударяет каблуком по стали.

– Это – выход! – кричит темнокожая девушка, всплеснув руками. – Кодовый замок видите? Введём слово-пароль и все свободны! Чего раскисли? Всё ж не взаправду!

И Тишина... напряжённая, угнетающая.

– Нет, ну серьёзно, – смеётся девушка, глядя на всех по очереди. – Что с вами такое? Как будто вас насильно сюда притащили! Хотели играть? Так давайте играть!

– Я на это не подписывался! – парень в куртке-бомбере с логотипом университетской бейсбольной команды «Blue Devils», нависает над темнокожей девушкой с высоты своего двухметрового роста и ревёт ей прямо в лицо: – Выпусти меня на хрен отсюда, Кайла, или я вышибу эту чёртову дверь твоей башкой!

– Чед, ты тупой? – усмехается в ответ девушка. – Я же сказала: нужен код! Для этого мы все здесь! Чтобы пройти реальный квест, поиграть, нервишки себе пощекотать, получить дозу адреналина и вернуться обратно – в унылую реальность, которую каждый из нас так обожает, что добровольно позволил запереть себя в этом вонючем помещении!

Добровольно?..

Квест?

Пароль?

Мне это не снится?..

– Поднимите руку, кто здесь не по собственному желанию? Кто не знал, на что шёл? – Кайла вновь смотрит на каждого по очереди, но никто кроме её друга Чеды руку так и не поднимает. Или... просто не хочет поднимать. Как я, например.

– А какого хрена нас всех газом траванули?! – орёт Чед.

– Нас усыпили. Временно! Усыпили, а не отравили. Это разные вещи.

– А по мне так одна хрень! У меня башка теперь болит! И в горле, сука, жжёт от этого долбаного газа! Кто вообще его в автобус пустил?

– Пройдёт твоя башка, тупое ты бревно, – теряет самообладание Кайла. – Просто захлопнись уже и уясни, что назад дороги нет! Придётся пройти квест независимо от желания такого трусливого насекомого, как ты! А ещё сегодня утром ты за мной хоть на край света собирался!

– Да пошла ты на хрен, овца! – продолжает вопить Чед. – Я на это дерьмо не соглашался! Ты меня сюда притащила!

– Да! Потому что будет весело! Я была уверена, что тебе понравится! Кто бы мог подумать, что у тебя вместо яиц парочка отбивных?!

– Хватит! – Марша, девушка, что разбудила меня пощёчиной, занимает место между двумя практически дерущимися, и пытается призвать их к спокойствию. – Давайте обсудим всё, как взрослые, умные люди. Хорошо? Раз уж мы все знали, в чём собираемся участвовать, кроме этого парня, – кивает на Чеда, – то не вижу смысла устраивать выяснение отношений. Согласны? Исходя из правил, существовавших когда-то реальных квестов, Эскейп-румов и прочего, – время ограничено, так что не будем его растрчивать попусту.

То есть... это всё... постановка?

Я попала в какую-то идиотскую постановку для искателей острых ощущений?

Ничего себе. Тогда следует перефразировать вопрос по поводу этих внушительного вида окон:

«Зачем в помещении, где происходит постановочное действие, оборудована такая мощная защита от возможного побега?»

Поднимаюсь на ноги и, слегка шатаюсь, бреду к чёрной двери. Мощная, стальная, с вентилем и встроенным охранным механизмом на пять дисков, на каждом из которых выбит алфавит для составления комбинации, способной открыть эту дверь. Тоже «декорация для постановки», я так понимаю?

– Механический, – раздаётся голос над головой. – Даже если электричество пропадёт...

– ... нам всё равно не выбраться без кода, – заканчиваю реплику и перевожу взгляд на высокого парня в серой вязаной шапочке, из-под которой выбивается несколько прядей светлорусых волос. Губы поджаты будто бы в лёгком сожалении, челюсти напряжены, а огромные голубые глаза смотрят так, будто внушить что-то пытаются.

Чёрт. Тоже постановка?!

Делаю шаг назад, и рука этого ублюдка тут же дёргается в мою сторону.

– Не смей, – угрожающе шиплю сквозь сжатые зубы, и не свожу глаз с засохших красных пятен на белоснежной футболке Линкольна Поузи, которые он тут же прячет, застёгивая спортивную куртку на все имеющиеся кнопки.

– Оу... это не то, что ты подумала, – нервно посмеивается. – Кетчуп. Просто кетчуп. Эй, Ханна, давно не виделись. Ну чего ты? Испугалась?

– Ещё шаг в мою сторону сделаешь, Линк, и остаток квеста будешь прыгать на одной ноге.

– О-о-о, – весело посмеивается, почёсывая лоб, – а ты изменилась. И... похорошела, кстати. Честное слово, Ханна. В последний раз, когда я тебя видел...

– В последний раз, когда ты меня видел, суд запретил тебе приближаться ко мне ближе, чем на триста метров. На год.

– Да, но... – будто бы неловко плечами дёргает, – тот год уже прошёл, эм-м... кажется, года три так назад. Нет-нет, Ханна, я не это имел в виду!

– Пошёл к чёрту, – чеканю ненавистно, обнимаю себя руками и, не оборачиваясь, шагаю в противоположный конец зала. Подальше от монстра со смазливой мордашкой. Подальше от чудовища, что превратил мою жизнь в крошечный Ад! Как я его раньше не заметила? Ещё в автобусе должна была заметить! Тогда бы... тогда бы ни за что в него не села! Наверное.

Опускаюсь на пол и откидываюсь затылком на стену.

– Ладно! Давайте все успокоимся и обсудим то, во что ввязались! – продолжает звучать рассудительный голос Марши. И выглядит она так же: уверенно, сосредоточенно, будто в свою среду попала и чувствует себя донельзя комфортно. Даже костюм видимо по случаю подбирала: камуфляжная куртка с кучей карманов, и такие же штаны, заправленные в высокие ботинки. На вид ей лет тридцать. Блестящие чёрные волосы собраны в тугую хвост на затылке и достают практически до самой поясицы. Ни грамма косметики, которая могла бы смягчить чересчур грубые черты лица, а телосложение кажется таким тощим, что даже свободная одежда выдаёт

его с потрохами. Думаю, эта Марша даже меня тощее, а меня, между прочим, все школьные годы дразнили из-за болезненной худобы. Ну... и не только из-за неё.

– Значит, это и есть тайный квест в реальном времени? – спрашивает кто-то, но я не смотрю – лишь голоса слушаю. – И вот они мы – двенадцать безумцев решивших проверить себя на смелость? Чёрт. Поверить не могу, что я здесь.

– Как-то странно всё это, вам не кажется? – тонкий женский голос. – Сначала школьный автобус, затем пущенный в него «сонный газ», а теперь это? Что это? Где мы? Что за древний спортивный зал? Разве в городе остались такие здания?

– Вряд ли мы в черте города.

– Чушь не носи! Они не могли вывести нас за периметр! На это разрешение надо!

– И это лишний раз доказывает, что всё это – постановочные декорации! – заверяет Марша.

– Одна фигня – незаконно всё это, – веселится Кайла. – И круто!

– Круто будет, когда нас всех здесь порешают!

– Заткнись уже, Чед!

– Я хочу свалить отсюда на хрен! И думаю не один я!

– Все здесь добровольно, идиот! Все, кроме тебя!

– Это ты меня уговорила сесть в тот грёбанный автобус! Меня моя жизнь и так устраивала! А вам что, богатенькие придурки, веселья захотелось? Трусихи запасные взяли хоть? Какой у кого статус, а?! Ну! Чего молчим?!

– Эй, парень, успокойся для начала, ладно? Это всё – постановка.

– А ты кто вообще такая? Только тебя одну и слышно! Кудахтаешь, не затыкаясь, у меня сейчас кровь с ушей брызнет!

– Вообще-то я разобраться пытаюсь, что нам делать дальше. И надо признать, что первая квестовая комната выглядит... довольно странно. Я не этого ожидала.

– Пе-пе-первая?!

– А ты думал, этот уродский спортивный зал и есть весь квест? – смеётся Кайла. – Ну ты и debil, Чед.

– Вчера, когда я тебя трахал, ты кричала другое!

– И это был последний раз, когда ты меня трахал!

– А где вещи, кстати? – слышу новый голос и решаю открыть глаза. Меня удивил не голос, а скорее вопрос, который был задан.

Вещи. Мои вещи. Где они? Где рюкзак с вещами? Даже шарф пропал...

– У меня шнурков нет!

– У меня тоже.

– Вот же чёрт! Где моя цепочка?!

– А ID-карты они для чего забрали? Разве это законно?

– Они всё забрали, – голос Маршы начинает звучать так, будто она в крутом блокбастере снимается и сейчас план выживания продумывает. – Это чтобы усложнить нам задание. Так и должно быть – полное погружение в игру, нервы на пределе, адреналин рекой по венам, чувство безысходности.

– Кроме вони от гниющих досок ни фига не чувствую! – фыркает Чед. – Чего вообще тут шараться? Того придурка на полу? Что это вообще за гомик? И где... как их там? Организаторы, или кто! Разве они не должны дать разъяснения?

– Полное погружение, Чед! П-о-л-н-о-е!

Проверяю карманы джинсов – пусто. Расстёгиваю молнии на ботинках, снимаю, достаю стельки, смотрю под ними. Ничего нет. Да и должны ли быть? Закатываю рукава, проверяю кожу...

– Что та девка делает? – раздаётся озадаченный голос Чеда.

– Правильно делает! – с энтузиазмом отвечает Марша, и я встречаюсь с ней глазами – будто действия мои одобряет. – Проверьте всё! Карманы, ботинки, всё, что у вас осталось! Мы должны найти подсказки, чтобы подобрать код к замку на вон той чёрной двери и попасть в следующую комнату.

– Откуда ты правила знаешь?

– Что? – запинаясь Марша. – По-моему это логично для подобного квеста, нет? Раньше они были очень популярны. Мы с... ай, неважно.

– Подобные квесты давно запрещены, – отвечает ей Линк, от голоса которого становится тошно.

– Собственно поэтому нам и было запрещено разглашать информацию, – парирует Марша. – Не понимаю, чему вы удивляетесь?

– Так! Стопэ-э-э!!! А если я не хочу попадать в следующую комнату? – рычит Чед, демонстративно сложив руки на широкой груди.

Кайла фыркает, будто глупее вопроса в жизни не слышала:

– Тогда можешь остаться, – смеётся. – Подождёшь, пока мы вернёмся с паролем вон от той двери, а завтра весь университет узнает, что Чед Паттерсон – трусливая баба.

– Проверим здесь всё! – продолжает командовать Марша, и большая часть игроков, с некоторым облегчением на лицах соглашается с нашим самопровозглашённым лидером. В том числе и те два парня, что всё это время стояли в углу, молча наблюдая за происходящим; теперь вижу, что это братья-близнецы, чьё различие лишь в одежде. А вот парень, что сидит недалеко от меня, уперевшись лбом в колени, по-прежнему не двигается. Может, всё ещё в отключке? Почему никто не пытается разбудить и его?

– Вы двое, – даёт указания Марша, – проверьте маты. Вы трое – окна, подсадите друг друга. Вы – пол, все щели! Вы – стены, тщательно рассмотрите граффити! Ищем подсказки! Игра началась!

– А это что? Камеры?

– Весь потолок ими утыкан, – отвечает Марша. – Я насчитала пять.

– Вот это – камеры? Офигеть, такие маленькие, – усмехается Кайла.

– Восемь. – Слышу приглушённый голос и медленно поворачиваю голову к человеку в капюшоне, который, оказывается, не спит, не в отключке и даже говорить умеет. Вот только не двигается до сих пор. – Не пять. Восемь камер.

– Ищем любые подсказки! – звенит голос Марши на весь зал.

– Нет никаких подсказок, – вновь тихо комментирует происходящее человек в капюшоне. – Лучше бы сели все и зря энергию не растрачивали.

– Почему бы тебе не сказать им об этом? – спрашиваю так же тихо.

– Потому что мне нет до этого дела.

– Откуда знаешь о камерах и о подсказках, которых нет?

Решает не отвечать. Возможно, даже жалеет, что посвятил меня в подобного рода информацию, потому что теперь я знаю, что он...

– Ты не спал.

Тихий, приглушённый смешок служит для меня ответом спустя паузу молчания.

– Я очнулся раньше вас всех, – уточнить решает, – идиотов.

Молча смотрю на капюшон, скрывающий личность человека, и сомневаюсь: стоит ли вообще говорить с ним. Одежда выглядит слишком чистой и новой, кеды даже не разношенными кажутся, будто он только этим утром впервые их примерил, что наводит на мысль: если вырядиться решил в честь игры, на которую собирался, почему до сих пор даже лицо своё на камеры не засветил? Почему ведёт себя так, будто его, как и меня, сюда не тем ветром занесло?.. Впрочем... плевать.

– Он всё ещё смотрит на тебя.

– Что? – думаю, что ослышалась.

– Тот, кому ты ногу пообещала сломать, – отвечает парень всё тем же тихим голосом с низким тембром, будто ветер шумит в ночи перед бурей.

Медленно перевожу взгляд на Линка и встречаюсь взглядом с человеком, от которого мурашки бегут по коже, а желудок морским узлом заворачивается.

Смотрит. Так пристально, так упорно, будто дыру во мне прожечь пытается.

Линк Поузи... больше, чем этого человека, я ненавижу только собственного отца.

– В матах ничего!

– У нас тоже!

– Чисто!

– Чёрт, а весело, однако! – восклицает один из близнецов, сверкая широкой ребяческой улыбкой, а его брат в ответ лишь недовольно хмурится.

– А этот типа в обыске не участвует? – Чед кивает на человека у противоположной моей стены, который развалился на полу, закинув руки за голову, и насвистывает себе под нос что-то ненавязчивое.

– Это его право, – отвечает Марша.

– А эта, в жёлтом костюмчике? Эй, чего застыла!

– Оставь её, Чед.

– А эти двое? Эй, мужик, ты там спишь, что ли?! – Чед кивает на меня и парня в белом капюшоне, с таким видом, будто мы ему задолжали крупно. Сам-то Чед, между прочим, тоже с места не сдвинулся.

– Эй, помочь не хочешь? – кричит мне Марша, но у меня нет желания отвечать. Как и нет желания принимать участие во всём этом сомнительном действии. Всё, что я пыталась сделать, сядившись в тот автобус, это сбежать от реальности. В какой-то степени побег удался. Даже, если всем нам предстоит здесь умереть.

Странно, эта мысль не приносит желанного облечения, но я не могу не улыбнуться мысли, что если все мы оказались крысами, загнанными в смертельную ловушку, то вместе с нами сдохнет и Линкольн Поузи.

– Никогда не видел более странной улыбки, – вновь звучит тот самый голос неподалёку. – Выглядит так, будто ты только что мысленно расчленила человека, испытав при этом умственный оргазм.

Не знаю, что в этот момент заставляет мою кожу покрыться мурашками: то ли доля правды в словах этого парня, то ли лицо, которое он наконец решил показать.

Глубокого, тёмно-зелёного цвета глаза с карими крапинками сужаются, будто он только что уличил меня в чём-то незаконном. Будто просто видеть его лицо – уже незаконно. *Его лицо...* выглядит так, будто вправду минуту назад проснулся и чтобы вновь почувствовать себя человеком, ему позарез необходима кружка с кофе. Кожа не похожа на кожу человека, который этим летом любил проводить время под солнцем – слишком бледная, почти белая, лишь красное пятно на лбу красуется, как следствие долгого подпирания его коленями. Густые дугообразные брови слегка сдвинуты к переносице, отчего взгляд этого парня кажется ещё более странным – подозревающим, не доверяющим ни одному живому существу на планете. И что-то подсказывает мне, что это его любимый взгляд. *В прошлый раз он смотрел на меня точно таким же.*

– Ты? – шёпотом срывается с моих губ.

Смотрит с несколько секунд, не меняясь в лице, а затем плавным жестом отодвигает рукав куртки с запястья и бросает короткий взгляд на механические часы с металлическим корпусом и чёрным циферблатом, по которому плавно скользит красная секундная стрелка, а две других – такого же цвета, – указывают ровно на двенадцать дня. Короткий, тяжёлый вздох вырывается изо рта парня, будто время напомнило ему о чём-то важном и малоприятном, а

затем он откидывается затылком на стену, прикрывает глаза и бросает абсолютно равнодушным голосом:

– Ты обозналась.

– Не думаю, – уверенно.

– Вот и правильно – не думай. Таким, как ты, это противопоказано.

– Таким, как я? – пристально смотрю в раздражающе умиротворённое лицо и решаю, как подать ему известную мне и очень интересную информацию. – А ты, значит, не такой, как мы все?

– Не вижу связи, – бросает тем же тоном.

– А жаль. Ты казался не глупым.

– Прости, что разочаровал, – удручённо вздыхает. – А теперь иди к ним, – кивает в центр зала. – Мне ты не интересна.

– А мне вот часики твои очень даже интересны, – беззвучно усмехаюсь и вновь смотрю на его часы. – Красивые.

– Ты ещё здесь?

– Жаль, что не твои, – без эмоций смотрю в застывшее лицо парня. Наклоняюсь ближе и добавляю едва слышно: – Или я ошибаюсь, и протанопу* вроде тебя, понадобились часы со стрелками, цвета которых он попросту не видит?

**Протанопия – отклонение от нормального цветовосприятия. Протанопия связана с отсутствием в колбочках сетчатки глаза фоточувствительного пигмента, имеющего максимум спектральной чувствительности в оранжевой и красной области спектра.*

Глава 2

Ной

Пять часов назад

Вчера. Сегодня. Завтра.

Каждый день.

Каждый день повторять себе, как заклинание, как мантру... «Кто я? Какова моя цель? Кто мои враги?» Утром, днём, вечером, перед сном.

«Кто я? Какова моя цель? Кто мои враги?»

Кровавыми буквами на душе высечено.

Кто я? Не раб системы.

Какова моя цель? Свобода, равноправие, единство.

Кто мои враги?.. Волки в овечьей шкуре. Каждый, кто станет у меня на пути.

Никогда не нравились эти часы. Постоянно кажется, что минутная стрелка ползёт, как черепаха. Медленнее, чем ей полагается, медленнее, чем все остальные часы в мире, или же наоборот летит куда-то со скоростью света. Часы старые, достались мне от старика, и если бы я не доверял ему, решил бы что они постоянно показывают неверное время.

Миа уверяет, что у них красные стрелки. Для меня же каждая деталь этих часов исключительно чёрного цвета. Как и всё красное в этом мире.

8:00

Прищулив один глаз, смотрю на утреннее солнце. Нравится ложное ощущение слепоты, что оно вселяет: смотрел бы и смотрел, только на него – никуда больше. Лишь бы не видеть, во что превратился мир. Лишь бы не думать о том, во что люди его превратили.

Поглаживаю пальцами дряхлый кожаный ремень часов, оттягиваю рукав куртки и делаю медленный глубокий вдох.

Пора.

Стеклянная дверь аптеки встречает меня тонким звоном колокольчиков. Старичок в шляпе с полями оборачивается на звук, скользит по моему лицу взыскательным взглядом и вновь возвращает всё своё раздражение фармацевту.

– Чего возишься так долго? – ворчит, нетерпеливо постукивая тростью по полу.

8:03

«Чего ты возишься, старик?»

– Всего доброго, мистер Ольер. Вот ваша ID-карта.

– Да неужели! Понабирают всяких тупиц... тьфу! – Старик подхватывает с прилавка бумажный пакет с лекарствами и ковыляет к выходу, не забывая бросить ещё один придирчивый взгляд мне в лицо. Словно я муха, которая о потолок бьётся и раздражает дико.

Дверь хлопает, и одновременно со звоном колокольчиков напрягается лицо фармацевта, фальшиво улыбающегося мне из-за стеклянной перегородки.

Опускаю козырёк кепки как можно ниже и снова бросаю взгляд на часы.

8:05

Опаздываю на целую минуту.

– Камеры передают картинку, но не звук, – улыбается фармацевт по имени Дэнис Льюис. А ещё две недели назад он был Ральфом с заправочной станции. – Эй? Эй, пацан. У тебя времени вагон, или что? Не будь идиотом и сделай милость, пошевели хотя бы губами.

– Пошёл ты.

– Отлично. Допустим, что ты только что поинтересовался насчёт этих чудесных пилюлек от кашля. Карту, пожалуйста?

– Что?

Дэнис, едва скрывая раздражение, улыбается ещё шире:

– ID-карту давай свою, чтоб тебя!

– А... да. Держи. – Протягиваю Дэнису кусок чёрного пластика, на котором собрана подробная, но стопроцентно фальшивая информация обо мне и моей жизни и вновь смотрю на часы.

– Успеваем, – не глядя, шепчет Дэнис, вручает мне стеклянный пузырёк с «пилюлями от кашля» и возвращает карту. – На ней пять дней осталось, – глядит на меня исподлобья. – Если не успеешь выполнить работу и свалить к чёртовой бабушке из города, сам знаешь, что будет.

Киваю.

За незаконное проникновение и подделку документа удостоверяющего личность, меня автоматом приговорят к смертной казни, даже суда не будет.

– Ной! – окликает с видом, будто забыл мне доброго дня пожелать. – Ещё кое-что... с твоими-то мозгами не уверен, что должен лишний раз напоминать, но, парень... ты, я и другие... все мы – просто пешки в большой игре, так что мой тебе совет: заканчивай свои подвиги и возвращайся к семье, пока тебя к ним в мешке для трупов не отправили.

– Спасибо за совет, – выдавливаю из себя улыбку для камер. – Но только в мешке для трупов я к своей семье и смогу вернуться.

– Что ж, удачи, – желает Дэнис напоследок, и я выскальзываю на улицу, набрасываю на голову капюшон и двигаюсь по узкому переулку между двумя выбеленными домами, отданными в аренду под частные продуктовые магазины; вонь из мусорных баков, за содержимым которых через двадцать семь минут должен приехать мусоровоз, лишь подтверждает принадлежность зданий.

Минуя переулок, перебегаю через дорогу и смешиваюсь с толпой, спешащих по делам горожан, таким образом становясь менее заметным для патрульных, которых сегодня на улицах больше обычного, и каждый прохожий не зависимо от социального класса, выборочно, может быть обыскан прямо на глазах у всех. В целях безопасности якобы.

Одним ловким движением засовываю в ухо мини-гарнитуру и активирую отпечатком пальца.

– Кафе «Безе Люкс», – звучит знакомый голос в наушнике. – Девушка за столиком у окна. Брюнетка, короткая стрижка, жёлтый спортивный костюм, пьёт «Американо» с красного стаканчика. Сидит одна. Конец связи.

Сжимаю гарнитуру в ладони и выбрасываю в урну у входа в кафе. Свободно прохожу через встроенные в двери детекторы и целенаправленно двигаюсь к стойке. Задеваю плечом дамочку в белой шляпе, и та роняет на пол свой уродливый, как и всё в этом кафе, как и всё в этом городе, головной убор.

– Прошу прощения, – улыбаюсь ей, любезно подавая шляпку. – Надеюсь, она не испачкалась.

– Вам бы, молодой человек, научиться глаза при ходьбе открывать, – отвечает дамочка с нескрываемым недовольством. – Да и... ботинки почистить не мешало бы. Низший класс – сто процентов. – Водружает шляпу на голову и, виляя бедрами, удаляется за крайний от прохода столик. А за столиком через один сидит миниатюрная брюнетка и, судя по тому, как дрожат её руки, сжимающие бумажный стаканчик, явно нервничает.

– «Американо», – делаю заказ, дождавшись своей очереди. – В красном стакане.

– «Американо» только в красном и подаётся, – улыбается мне кассир с таким видом, будто я самую большую глупость в мире сморозил.

Озираюсь по сторонам, скольжу взглядом по волнообразным стенам в чёрно-белую пашку, по круглым столикам на высоких стальных ножках, за которыми сидит слишком мало народу, чтобы оставаться максимально незаметным, по высоким витринным стёклам, за которыми рядом с кафе неспешно прогуливаются два патрульных...

Отворачиваюсь.

– Вашу ID-карту, – вежливо просит кассир, пока я, как последний баран, таращусь на два чёрных стаканчика, поставленных передо мной на стойку, и пытаюсь понять: какой из них красный. Или они оба красные, потому что для меня они оба чёрные?

Чёрт.

Почему эта девчонка ничего другого не заказала?

– Вашу ID-карту, *пожалуйста*.

Протягиваю, не сводя глаз с бумажных стаканов.

– Простите, – окликаю кассира, занимающегося обработкой карты, – какой из них мой?

С трудом смешок сдерживает глядя на меня, как на бездомного, которому вдруг счастье привалило и он обнаружил у себя пару баксов на порцию кофе. Что ж, в этом городе класс моей фальшивой ID-карты практически к бездомному меня и приравнивает – низший рабочий уровень.

– Какой мой? – гляжу на него исподлобья.

– Тот, что в красном стаканчике, – улыбается, будто я тупой. – Второй для дамы позади вас. Возьмите вашу карту, мисс.

Золотую ID-карту. Карту высшего уровня.

Оборачиваюсь более резко, чем собирался, и девушка, стоящая за спиной, от неожиданности выгибает спину и видимо под тяжестью огромного рюкзака за плечами, медленно тянется к полу. Хватаю её за руку и помогаю выпрямиться.

– Простите. Не хотел вас напугать, – бурчу, напуская козырёк кепки на глаза. Приходится наступать себе на горло и быть вежливым со всей этой чёртовой элитой.

– Чего ждёте? – слышу её голос и с трудом сдерживаюсь от желания посмотреть в лицо владелицы этого низкого, но поразительно приятного тембра... будто кубиком льда по разгорячённой коже. – Кофе забирать не будете?

Время поджимает.

Смотрю на стаканчики с кофе и медленно перевожу взгляд на девушку с тяжеловесным рюкзаком за спиной и вижу то, что совершенно не рассчитывал увидеть. Да она выглядит ещё хуже, чем я! И это – элита?

Короткие светлые волосы растрёпаны, белая толстовка явно не первой свежести, как и джинсовая куртка с практически оторванным рукавом. Цвет кожи землистого оттенка, а под глазами пролегли тёмные круги, словно слово «сон» для неё – нечто из мира фантастики.

«Глаза», – почему-то повторяю про себя мысленно, будто у меня важнее дел вообще нет. Странные какие-то, будто жизнь в них угасла, совершенно пустой, бездушный взгляд больших серо-голубых глаз.

С каких пор элите плохо живётся? Говядину вчера на ужин плохой прожарки подали?

– Кофе, – напоминает, в лице не меняясь.

– Прошу, – пропускаю её вперёд. – Возьмите свой.

– После вас, – даже не моргает.

Бросаю взгляд на витринное стекло позади девушки, где двое патрульных, видимо, даже не думают менять место отдыха, и хватаю со стойки один из стаканчиков.

– И? – смотрит в упор.

– И? – отвечаю таким же взглядом, словно у меня в руках граната, а не кофе.

– Вам же сказали: красный, – замечаю подсохшую ссадину на её правой скуле, и это ещё больше вводит в замешательство. Она точно обладательница высшего социального статуса?

– Значит, этот ваш. Можете не благодарить, – любезно улыбаясь, вручаю девушке её кофе, подхватываю со стойки свой заказ и отправляюсь за столик в самом дальнем углу заведения, так ясно чувствуя, как всё это время странная девушка из элитного общества прожигает мою спину холодными и самыми несчастными глазами из всех, которые я видел. А видел я многое.

8:18

Времени совсем не осталось.

Обжигая язык, выпиваю примерно половину кофе, достаю из кармана стеклянный пузырёк с таблетками, полученный от Дэниса, и задумчиво глядя на один из чёрно-белых снимков, которых полно на стенах кафе, высыпаю на ладонь три плоских таблетки. Вызвать зевотку большого труда не составило – сон давно стал для меня роскошью, – как и забросить под язык таблетки, прикрыв рот ладонью, а следом, под видом очередного глотка, сплюнуть их в отверстие в крышке пластикового стаканчика.

Полторы минуты, чтобы дать им раствориться.

Минута.

Сорок пять секунд.

Бросаю взгляд на витринное стекло.

«Что ж вы гады всё никак не свалите отсюда?»

Тридцать секунд.

«Ну же, дамочка в шляпе, ты ведь уже доела свой завтрак. На работу разве не надо? Чего сидишь?»

Двадцать секунд.

Девушка в жёлтом спортивном костюме всё ещё на месте, всё ещё крутит в руках стаканчик с кофе и выглядит так отрешённо, будто в собственном маленьком мирке находится.

Десять секунд.

– Где моя карта?!!

Бинго.

– Где, я спрашиваю, МОЯ ID-КАРТА?!!

– Мисс, прошу, успокойтесь, – подлетает к дамочке в шляпе бледнеющий на глазах кассир, а из-за двери с табличкой «Для персонала», соизволяет и администратор показаться.

– У меня украли ID-карту!!! – орёт дамочка, едва слюной не брюзжа. – Она была здесь! Вот здесь! Прямо в этом кармане, а теперь её нет! НЕТ! НЕТ!!! Иди сюда-а-а! Сам посмотри! НА, СМОТРИ! – хватая бедолагу-кассира за шею и тычет носом в нагрудный карман пиджака.

– Успокойтесь, пожалуйста, – машет руками администратор, «сканируя» взглядом пол. – Мы сейчас же найдём вашу карту! Даю слово! Это немыслимо, в нашем кафе никогда не случались кражи!

– После того, как я вас рассчитал из кафе никто не выходил. Значит карта где-то здесь. Может... посмотрите в сумочке?

Но в ответ сумочка видимо решила заглянуть в голову кассира, с глухим звуком ударив ему по затылку.

– Ищи вора!!!

Подхватываю свой стаканчик и неспешнодвигаюсь к девушке за столиком у окна, которая наконец переключила внимание на что-то другое помимо своих рук.

– Привет, – улыбаясь ей, присаживаясь на стул напротив. – Не заметил тебя сразу. Давно ждёшь?

Глаза цвета шоколада и без того практически круглой формы становятся похожи на две блестящие пуговицы, а цвет лица в мгновение ока приобретает зеленоватый оттенок.

Перегибаюсь через столик и целую девушку в щёку.

– Не дёргайся, – шепчу ласково, – всего лишь знак приветствия.

И подмена её кофе на мой здесь совершенно ни при чём.

Откидываюсь на спинку стула и делаю глоток из её стаканчика.

– Пей, – киваю, – а то выглядит так, будто ты мне не рада.

Не двигается.

– Пей, – настойчиво. – И просто поддерживай беседу, ладно?..

Девушка обеими руками хватается за стаканчик с кофе, делает несколько больших глотков, будто это поможет унять нервозность, и ещё начинает ещё больше бледнеть.

– Если собираешься тошнить, – говорю вкрадчиво, слегка перегнувшись через столик, – то сначала отдай мне то, что должна отдать, а потом беги в туалет, хорошо?

– Я... – горло прочищает. – Мне не нужно в туалет.

– Конечно не нужно, – коротко усмехаюсь. – Если ты пойдёшь в туалет, как сможешь подать знак своим друзьям в форме, что так ненавязчиво прогуливаются у витрины кафе? Тсс-с... тихо. Не дёргайся, попросил же. Мы просто разговариваем. Ну? Какой знак ты должна подать? Я должен успеть придумать, как правильно их поприветствовать, давно не общался с представителями закона.

– Чтoб ты сдох, – цедит девушка сквозь сжатые зубы. – Чтoб все вы сдохли.

Шумно выдыхаю и, слегка склонив голову набок, смотрю на неё без какого-либо понимания.

– Просто. Отдай. Пакет.

– Когда его отпустят?

Теперь молчу я. Потому что понятия не имею, о ком она говорит. Меня это не касается. Шантаж, или другая уловка была использована для манипуляций этой девушкой... мне нет до этого дела, это не моя работа. Всё, что должен сделать я – это забрать пакет и доставить его в нужное место.

– Когда? – вскрикивает, но в кафе слишком шумно, чтобы кто-нибудь обратил на нас внимание, все заняты поисками карты взбесившейся дамочки в шляпе.

– Тебе сообщат, – вру.

Вижу, как на глазах девушки выступают слёзы.

– Просто отдай пакет, – ещё настойчивей. Смотрю на часы – время поджимает. Бросаю взгляд на витринные стёкла и больше не вижу за ними патрульных, а звон колокольчиков над входной дверью безоговорочно сообщает, куда же эти ребята подевались.

– Ну наконец-то полиция! – голос дамочки набирает децибелы. – Найдите вора, немедленно!!!

Бросаю взгляд через плечо; с характером женщина попалась! Схватила одного из патрульных за грудки и будто всю дурь из него выбить стремится, в то время когда второй всеми силами пытается её успокоить, в смысле оттащить, куда подальше от бедняги товарища.

– Это ты украл карту, – с понимаем звучит голос девушки напротив меня. – Ты подстроил это. – Усмехается с горечью. – Тебе всё равно не выбраться отсюда.

– Пакет, – повторяю. – У тебя десять секунд, чтобы отдать его мне. Поверь, другого шанса не будет.

Девушка медлит, продолжая поглядывать на заварушку у входа, тяжело сглатывает, вытаскивает из-под стола маленький чемоданчик с кодовым замком и протягивает мне сбоку от стола.

– Если там пусто, его убьют, – говорю на полном серьёзе, хоть и понятия не имею, о ком идёт речь.

– Всё там. Не говори им про... про полицию. Пожалуйста, – беззвучно плачет и вдруг за голову хватается, воздухом давится и смотрит на меня огромными перепуганными глазами. – Чтo... чтo со мной?

Смотрю на часы.

8:25

Двадцать секунд.

– Что ты со мной сделал?

Десять секунд.

Поднимаюсь на ноги и бросаю на девушку последний взгляд:

– Лучше не вставай. Можешь удариться, когда отключишься.

– Что...

Сейчас.

Взрыв мусорного бака снаружи у входа моментально включает пожарную тревогу, а ведь всего-то мини-гарнитура самоуничтожилась и стала отличным поводом для паникующих посетителей и персонала, так стремительно бросившихся к выходу, что даже представителей закона и дамочку в шляпе по пути успели подобрать.

– СТОЯТЬ! ЭЙ, ТЫ, СТОЯТЬ!!! – орали парни, когда я проходил мимо столика, за которым как ни странно остался сидеть посетитель – та самая девушка с картой высшего класса и в одежде неклассифицированного бродяги.

– Эй? – окликнул её, толкая дверь комнаты для персонала, через которую попаду к запасному выходу, а эта странная девушка, будто целую вечность поднимала на меня глаза. А я... идиот, замер, как вкопанный, словно время остановилось, словно и не рвутся ко мне парни в форме, словно у меня вторая жизнь есть в запасе.

– Что? – прочитал по её губам.

– Правый карман твоей куртки, – кивнул ей. – Отдай дамочке её карту. Нехорошо брать чужое.

Мусоровоз прибыл точно в установленное для меня время. Чемоданчик забрали, а меня нет, и это несколько не удивительно, учитывая то, что с вероятностью в восемьдесят пять процентов, уже через час моё лицо будет транслироваться по всем новостным каналам, а бегущая строка внизу сообщать, что в розыск объявлен опасный преступник. Номер ID-карты пробьют по всем базам данных, а девушку в жёлтом спортивном костюме будут допрашивать ни один день, не зависимо от социального класса. Сама виновата – нечего было в полицию обращаться и страховаться двумя идиотами в позорной форме. В первую очередь себя подставила, ну и для меня конечно существенную проблему организовала. Теперь я понятия не имею, как выбраться из города не засветив лицом и картой.

Дура!

Десять минут уходит на то, чтобы как можно быстрее добраться до подвала ещё закрытого магазина одежды, владелец которого на одной стороне с такими, как я. Минута, чтобы перевести дух. Минут пятнадцать на то, чтобы отыскать одежду и обувь нужного размера и полностью переодеться. И полчаса на доскональное обдумывание ситуации и принятие верного решения.

Выход один – залечь на дно до тех пор, пока про меня не забудут и до тех пор, пока Дэнис не раздобудет для меня новую ID-карту. Тогда и появятся шансы выбраться из города живым.

Или... или шансов уже нет.

«Тебя «сливают». Ты засветился. Я предупреждал. 10.00. Школьный автобус. Остановка – 3 минуты. Пересечение улиц Лейк-стрит и Фултон-стрит. Это твой единственный шанс выжить, и я тебе о нём не говорил. Удачи, парень. Д.» – сообщение, пришедшее от Дэниса за минуту до того, как я уничтожил телефон, расплавив плату.

До указного пересечения улиц пришлось бежать изо всех сил, чтобы успеть на посадку. Пришлось заткнуть собственный разум, чтобы тот перестал выстраивать логические цепочки, способные заставить меня передумать и развернуться. Пришлось довериться единственному

человеку в этом городе, которому я всё ещё мог доверять. Пришлось запрыгнуть в школьный автобус за секунды до того, как за моей спиной закрылась дверь. Пришлось сделать вид, что «сонный газ» пущенный в салон уже спустя мгновение усыпил меня так же крепко, как и с десяток других пассажиров. Пришлось признать, с прожигающим душу омерзением, что в этом мире никому нельзя доверять.

Глава 3

Ханна

Настоящее

Он солгал мне. Поняла это по тому, как едва заметно дёрнулись его челюсти, на губах с трёхсекундной задержкой растянулась насмешливая улыбка, а взгляд с ещё большим опозданием наполнился абсурдностью и весельем. В нём было столько же правды, сколько в его словах. То есть – абсолютный ноль.

Почему я так в этом уверена?..

Как минимум потому, что собственными глазами видела, как этот странный парень не мог отличить красный стаканчик от чёрного, как он подсел к девушке в жёлтом костюме за столиком у окна, подменил её кофе на свой, а затем, получив чёрный чемоданчик из её рук, покинул закусочную через запасной выход. А, ну да, предварительно не забыв сообщить, что подсунул мне ID-карту женщины, которая устроила в кафе настоящий скандал, что – уверена, – также было частью плана парня, который, делая из меня последнюю дуру, заверяет, что мы с ним видимся впервые.

Должно ли это всё волновать меня?

Нет, не должно.

Должна ли я ломать голову над тем, почему вообще следила за парнем, имени которого даже не знаю, тогда – в кафе?

Ответ тот же.

Стоит задуматься над тем, по какому такому стечению обстоятельств мы с ним попали в один автобус, а впоследствии очнулись в одном запертом помещении. Да и... что ещё больше озадачивает – что здесь делает та самая девушка в жёлтом спортивном костюме?..

Случайность?

Когда я зашла в автобус она уже была там. Спала.

А вот Он... он запрыгнул в салон за считанные секунды до того, как «сонный газ» начал делать своё дело.

Что вообще происходит?

Надо выбирать. Я должна, обязана выбраться из этой бетонной коробки, потому что не об этом мечтала, когда...

Смотрю на свои ледяные, дрожащие руки и до боли в суставах сжимаю пальцы в кулаки. Картинки перед глазами проносятся молниеносно... Ночь... Страх... Побег от реальности. Побег от самой себя.

Сделать глубокий вдох и думать о насущных проблемах, а не о том, чего уже изменить нельзя.

Думать о том, что происходит сейчас.

«Ты обозналась, – в третий раз повторил парень, настойчиво сверля меня взглядом. – И я понятия не имею, что значит это слово... «Протаноп», да? Стой, не отвечай. Мне не интересно».

Протаноп.

Я всего лишь предположила. И я по-прежнему не уверена в своём предположении. Ведь если бы у этого парня была врождённая дисфункция зрения, и он действительно не мог различать некоторые цвета... его бы сейчас не было здесь, как и не было бы в этом городе. Только если он не самоубийца.

– Сколько нам ещё здесь торчать, мать вашу?! – Чед всё больше теряет терпение.

Два часа прошло. Ну или около того. Факт – прошло достаточно времени, чтобы более менее сообразительные из нас успели хотя бы усомниться в безобидности так называемой поставочной игры. И я готова признать: Чед хоть и несдержанный, грубый, да и чересчур вспыльчивый, однако первым пришёл к выводу, что что-то здесь не так.

– Надо набраться терпения, – Марша места себе не находит: выхаживает из стороны в сторону, отстукивая подошвами ботинок по полу, словно солдат в карауле. – Точных правил никому из нас не озвучивали, так что... вполне допустимо, что сценарий рассчитан не на пару часов, а на...

– А на сколько?! – перебивает её Чед, с разворота ударяя ногой по чёрной двери, и звук эхом проносится по помещению. – Когда нас выпустят? И какого дьявола я вообще должен здесь торчать, если даже участвовать в этом дерьме не собирался?!

– Опять он ноет... – вздыхает Кайла раздражённо и качает головой. – Вот же идиот.

– А ты вообще заткнись! – тычет в неё пальцем Чед.

– Заткнитесь оба! – вспыхивает Марша и резко выдыхает. – Пожалуйста. Просто дайте мне подумать.

– Типа самая умная здесь? – Чед не упускает возможности поржать.

Через минут сорок притихает и Марша, будто бы до неё только сейчас дошло, что на безобидную игру наше заточение в заброшенном спортивном зале не очень-то похоже.

Из каждого угла доносится ворчание и вымученные стоны: кто-то хочет пить, кто-то есть, кто-то смерть как домой хочет, а кто-то продолжает вести монолог с камерами на потолке и умоляет их выпустить нас наконец отсюда.

– Я в туалет хочу. О-о-очень! – Кайла прижимает ладони к животу и нарезает круги вокруг горы из матов. – Почему они не предусмотрели туалет, если собирались держать нас здесь так долго?

– Я тоже хочу! – подаёт голос один из близнецов, для чего-то пытающийся вернуть футбольные ворота в правильное положение. – Но мои принципы сильнее моих потребностей, так-то! Однако... фу-ух, тяжёлые... если в ближайшее время что-то изменится, обещаю, что вы первыми узнаете об этом.

– Что там с кодом? – окликает Марша добровольца, что вызвался подбирать к замку код путём каждого приходящего на ум слова. И доброволец этот – Линк.

– Всё что можно уже перебрал, – вздыхает тот, будто бы с великим сожалением. – Чёрт его знает, какое тут слово. Тут миллион комбинаций.

– Больше десяти миллионов, – поправляю его автоматически и тут же жалею об этом.

– Ого! Эй, мисс солдат, – тут же цепляет Чед Маршу, – а ты тут у нас не самая мозговитая оказывается!

– Продолжай, – тяжёлые ботинки Марши оказываются рядом с моими, когда не только словами, но и взглядом девушка требует от меня пояснений.

– Что? – плечом дёргаю. – Если код подразумевает за собой не какое-либо существующее слово, а бессвязный набор букв, то комбинаций выйдет больше десяти миллионов. Если же это слово...

– Так, стоп! Какая разница к чёрту? – вставляет Чед. – Нам эти циферки как-то помогут, или что? Эй ты, головастик в шапке, продолжай, чего застыл? А я... а я пить хочу! Блин! Все ты виновата, Кайла!

– Отвали от меня, Чед! У меня сейчас мочевого взорвётся!

– Я бы мог предложить вам одну альтернативку...

– Слышишь ты, копия вон того парня, ты тоже давай не беси меня! – рычит Кайла на одного из близнецов и возвращается к бестолковому нарезанию кругов.

– Предлагаю ещё раз хорошенько осмотреть помещение! – Марша всплескивает руками, с видом, будто ничего другого нам не остаётся и направляется к матам.

Низкий, почти беззвучный смешок раздаётся неподалёку, и моя голова рефлекторно поворачивается на звук.

«Ну, хоть кому-то здесь весело.»

Подсаживаюсь поближе к парню в белом капюшоне и несколько секунд сверлю его профиль взглядом, за реакцией наблюдаю. Делает вид, что не замечает меня.

– Ты знаешь, что происходит. И это не вопрос, – говорю тихо.

– Если бы это был не вопрос, стала бы ты ставить пустое место вроде меня в известность о том, в чём уверена? А если ты в этом уверена, разве не стоило бы начать с требования о том, например, чтобы я выложил всё, что знаю? Так что... это был вопрос. И знаешь, я даже отвечу тебе на него. Возможно, мой ответ удивит тебя и даже разочарует в какой-то степени, но, увы, я понятия не имею, что происходит. – Тяжёлый взгляд исподлобья будто насквозь пронзает, приходится заставлять себя его выдержать.

– А если я всем расскажу о том, что видела в кафе? О том, как ты сбежал от копов. О том, как украл у той женщины её карту и подобрал мне? Спасибо, кстати, что подставил. А потом вдруг оказался с нами в одном автобусе. Это подозрительно. Даже слишком.

В лице не меняется, словно вообще непрошибаемый. Словно очень долго этому учился.

– Давай, – уголок губ приподнимается в заинтригованной ухмылке. – Двух с половиной часов ведь было недостаточно, правда?

Играет со мной?..

– Та девушка, – киваю в сторону брюнетки в жёлтом костюме, которая ведёт себя отстранёнее всех и даже ни разу не заговорила ещё. – Она подтвердит мои слова, а учитывая то, что через пару часов, когда страх и паника станут лучшими друзьями большинства из здесь собравшихся, обществу очень даже не помешает кто-нибудь вроде тебя – козёл отпущения, грубо говоря. Механизм заработает сам, а ты будешь в наиболее невыгодном положении.

Уголок губ парня приподнимается выше, а в глазах вспыхивает лукавый блеск. Придвигается поближе, практически нос к носу, смотрит долго и пристально, будто в самую душу заглянуть пытается.

– Лотти, – вкрадчиво шепчет.

– Что?

– Ту девушку в жёлтом костюме зовут Лотти. И учитывая то, что ещё сегодня утром я понятия не имел, как её зовут, как думаешь, когда мы успели познакомиться?

Медленно отстраняется от меня, не разрывая контакт глазами, и больше я не вижу в них лукавого блеска. Презрение – вот что теперь полыхает в них зелёным пламенем.

– Рискни, – бросает, откидываясь затылком на стену, и прикрывает глаза, – и с вероятностью в восемьдесят процентов козлом отпущения станешь ты.

– Что если ты блефуешь?

Перекачивает голову набок:

– Я же сказал: рискни. Вот и проверишь. Двадцать процентов все твои.

Смотрю на Лотти, лицо которой отливает цветом васаби, и буквально спотыкаюсь о собственные умозаключения.

– Когда ты успел? – хмурюсь.

– Лотти очнулась второй, – раздаётся негромкий голос. – Сразу после меня.

По крайней мере, теперь я точно знаю, что сегодня утром в кафе этот парень мне не померещился.

Головой качаю, глядя в абсурдно умиротворённое лицо:

– Кто ты такой?

– А ты? – приоткрывает глаза.

– Ты... ты ведь не... Кто ты?

– Никто, – отвечает спустя паузу. – Для таких как ты... я – никто.

– Эй, голубки, о чём шепчемся? – встревает в наше подобие разговора Чед, – Нам рассказать не хотите?

Решаю проигнорировать и возвращаюсь на своё место у стены, пока Чед пытается докона́ть разговором парня, имени которого я так и не узнала.

– Застряли мы здесь походу, – на тяжёлом выдохе Линк опускается на пол рядом со мной, вытягивает ноги и смотрит так, будто мы с ним в парке развлечений оказались, а не чёрт пойми где.

– Я сказала не приближаться ко мне.

Фыркает:

– Да ладно тебе, Ханна, все мы здесь в одной упряжке, просто смирись с моим присутствием и прекращай быть такой злоюкой.

Злюкой?

Он серьёзно? После всего, что сделал, Линк Пуузи просит меня не быть злоюкой?!

– Мир? – улыбаясь широченной голливудской улыбкой, протягивает мне руку, а всё, что могу я, это смотреть на него, как на последнее заслуживающее моего внимания существо на планете, и уговаривать себя не вестись на провокацию, игнорировать, не обращать внимания. Линк Пуузи мёртв для меня. Давно мёртв!

– Эй, смотрите!!! – громкий крик Кайлы моментально переключает моё внимание на квадратную плитку по центру высокого потолка, которая в данный момент, с противным режущим слух скрежетом, отъезжает в сторону, представляя нашим глазам пустое чёрное отверстие.

– Это ещё что за...

– Не знаю, Чед, – Марша опускает руку парню на плечо, будто бы тому сейчас больше всего нужна моральная поддержка.

Активисты вроде Кайлы и близнецов также оказываются в центре зала, ровно над чёрным квадратом, как раз в тот момент, когда из мрака показывается небольшое сооружение, разглядеть которое удаётся далеко не сразу. Казалось бы, обычный столик на коротеньких деревянных ножках – что может быть проще? Однако сам факт спускающегося к нам с полотна стола способен кого угодно ввести в замешательство.

– Эй! Эй, там! – кричит Чед, прижимая ладони ко рту в подобии рупора. – АЛЛЁ! Я знаю, что вы там!!! Быстро спустились сюда, мать вашу, и открыли мне дверь! ЭЙ! ЭЙ!!! УРОДЫ!

– Да успокойся ты уже! – Кайла толкает Чеда в плечо и выглядит на удивление весело. – Я же говорила: это игра! Смотри, идиот! – тычет пальцем на столик и вновь толкает Чеда. – Это часть игры! Они нам воду спустили, видишь?! – Задирает голову. – Эй! А туалет не предусмотрен?!

– Вода это хорошо, – одобрительно кивает разговорчивый близнец. – Жить можно.

Двенадцать.

Двенадцать пластиковых бутылок аккуратно составлены на столе.

– Не трогать! – вдруг командует Марша.

– С какого это хрена?! Я пить хочу! – Чед сбрасывает с себя её руку, подхватывает со стола одну из бутылок и залпом осушает половину.

– Не пей много! – призывает его к разуму Марша. – Вода – наше всё.

– Это – моя вода! – Чед трясёт бутылкой перед её носом. – Моя, усекла?! Сколько хочу столько и пью!

Сбоку слышится разочарованный вздох Кайлы:

– Боже... и что я только в этом кретине нашла?

– Что ты там пискнула?!

– Так, успокоились! – Марша как всегда берётся разнимать этих двоих.

– А я согласен с Чедом, – вдруг оглашает разговорчивый близнец, подхватывая со столика две бутылки. – Одна для меня, другая для Генри. Всё по чесноку, ребятки. Нас двенадцать и

бутылок двенадцать. Логично? Безусловно. Аве мне. – Плечами дёргает и улыбается нелепо. Серьёзно, у этого близнеца одна из самых нелепых улыбок из всех, что я только видела. Как ребёнок-переросток.

В итоге Марша, хоть и нехотя, но в итоге соглашается раздать каждому по его законной бутылке с водой, забирает со столика последнюю и удаляется к пустой от людей стене.

– Что если попробовать по нему забраться? – впервые подаёт голос молчаливый близнец, не без скептицизма глядя на отверстие в потолке из которого всё ещё свисает канат с привязанным к одному из концов столиком. – Что если именно этого от нас и ждут?

– Шутишь? – цинично усмехается Кайла, переминаясь с ноги на ногу в нетерпении сходить по-маленькому. – Голову разбить хочешь? Это не безопасно. Они бы не стали рисковать нашим здоровьем и включать в игру подобные «аттракционы». – Открывает бутылку и делает маленький глоток. – Чёрт! Я сейчас описаюсь! Без шуток!

Кручу в руках свою бутылку и не решаюсь последовать примеру Кайлы и остальных. Во рту – пустыня раскалённая, в горле по-прежнему от «сонного газа» саднит. Хм... на это и была сделана ставка, или у меня попросту паранойя начинается?

Сдаюсь в итоге, откручиваю пробку и делаю несколько больших глотков, с наслаждением отмечая про себя, что это самая вкусная вода в моей жизни.

– Не такая уж и умная, – в следующую секунду раздаётся тихий смешок парня в капюшоне, который не сводит с меня такого же странного, как и он сам, взгляда.

Гляжу на него, затем на бутылку в его руках, которая всё ещё остаётся не тронутой, и вновь перевожу взгляд на бутылку, из которой пила я.

– Что ты имеешь в виду?

Долго ещё смотрит, пристально, прежде чем коротко вздохнуть и очевидно нехотя ответить:

– Возможно, ничего. А, возможно... – медленно поднимает голову и кивает на потолок. – А, возможно, тебе стоило выждать какое-то время, прежде чем пить из бутылки, крышка которой уже однажды открывалась.

Из чёрного квадрата в потолке, неспешно кружа по залу, к полу планирует небольшой бумажный самолётик, который все двенадцать пар глаз, как замороженные провожают взглядами.

Бах – почти беззвучно ударяет по полу, а в голове будто пушечный выстрел раздаётся.

И тишина. Словно все звуки попросту куда-то исчезли. Даже дыхания не слышно.

– Что за фигня? – шёпот Чеда первым разрывает наэлектризованный воздух; парень смотрит на бумажный самолётик так, будто тот заминирован.

– Игра, Чед! Игра – не фигня! – в глазах Кайлы азарт блестит.

Наш самопровозглашённый лидер Марша решает и эту ситуацию взять в свои руки: подбирает с пола самолётик, разворачивает и долго ещё смотрит на белый лист бумаги, прежде чем тихим, напряжённым голосом прошептать:

– Быть не может...

– Что там?! – Чед, теряя остатки терпения, вырывает бумагу из рук Марши и громко зачитывает на весь зал: – Вода в одной из бутылок была отравлена. Противоядие в следующем зале. Подберите код к замку и выберетесь из комнаты. У вас два часа. Время пошло!

– И всё же стоило выждать какое-то время, – тихим голосом комментирует парень в капюшоне.

Глава 4

Ханна

Незадолго до...

«... на прошедшем недавно пленарном заседании ООН, состоявшемся в Вашингтоне, были подведены годовые итоги программы развития, включающей в себя систему распределения социальных классов – СРСК...»

Застёгиваю джинсовую куртку, закидываю рюкзак на плечо и бросаю ещё один взгляд на Него. Последний взгляд на человека, чья кровь чёрной лужей медленно расплзается по дорожному паркету президентских апартаментов шестизвёздочного отеля.

Жалко немного... паркет.

«... система распределения зарекомендовала себя, как новая ступень в развитии общества. Многие называют её общественной эволюцией...»

Приседаю на корточки и в последний раз дотрагиваюсь до этого мешка с дерьмом. Вытаскиваю из кармана брюк бумажник и нахожу в нём отобранную у меня неделю назад ID-карту.

«... индивиды не прошедшие классификацию и не получившие распределение благополучно доставляются для дальнейшего проживания в Новые резервации, расположенные за пределами высокоразвитых городов...»

Подумываю проверить пульс ещё раз, но тогда снова придётся к нему прикоснуться, а у меня нет на это сил, и храбрости нет. Я не боюсь трупов, я боюсь Его – даже мёртвого.

«Такие, как я не умирают, Ханна. Помни об этом, моя сладкая девочка», – сказал он однажды, после того, как я пожелала ему самой мучительной смерти из всех возможных. И вот сейчас, глядя в эти застывшие крысиные глазки, понимая, что никто не способен восстать из мёртвых, мне всё равно страшно.

После всего, что он со мной сделал.

Поднимаюсь на ноги и шагаю к двери.

«... индивиды с врождёнными неизлечимыми заболеваниями, с повреждёнными генами, нетрудоспособные, по тем или иным причинам не способные выполнять права и обязанности, установленные распределительной системой социальных классов, не прошедшие классификацию, не получившие ID-карту... с пониманием относятся к общественной эволюции. Только так, только вместе, мы сможем построить наше будущее!

Здоровое будущее! Здоровая планета!»

– Выключить, – говорю тихо, и экран на стене тухнет, вместе с ведущим новостей.

Времени – около трёх часов ночи. То есть достаточно, чтобы избавиться этот номер от следов моего присутствия, и если бы в этом был смысл, я бы так и поступила, но смысла нет. Весь персонал отеля знает, что я была здесь. Весь персонал знает, кем я прихожусь их боссу. Весь персонал видел, как три дня назад в попытке сбежать я проклинала этого садиста, пытаюсь вырваться из его охапки, и клялась всеми Богами, что когда-нибудь собственными руками его убью.

Так что смысла нет. Больше ни в чём нет. В десять часов утра, как обычно, горничная придёт делать уборку номера, а уже к вечеру, или возможно даже раньше, все будут знать, что Ханна Роуз убила собственного мужа.

За последнюю неделю уже и забыла, какими холодными стали осенние ночи.

За последние три месяца уже и забыла, что значит делать вдох полной грудью, не опасаясь, что огромная рука схватит за горло и заставит «выплюнуть».

Проходит несколько часов, прежде чем понимаю, насколько сильно замёрзла. Так сильно, что стука собственных зубов пугаюсь – вздрагиваю. Прячусь от каждого проезжающего мимо автомобиля, от каждого прохожего, от патрульных, буквально в стену вжимаюсь, обнимаю себя руками и дыхание задерживаю – прислушиваюсь к каждому шороху, к каждому звуку, что несёт с собой эта ночь. Ночь, когда выбравшись из одной клетки, сама себя заперла в другой.

С рассветом, как ни странно, становится легче. Аромат свежего хлеба из пекарни, во внутреннем дворике которой мне удалось пару часов подремать, спрятавшись среди кучи картонных коробок, успевает наполнить рот слюной ещё до того, как глаза до конца открываются. Белеющее небо над головой, рваными облаками смахивает с себя остатки ночи, улицы наполняются голосами прохожих, лаем собак, рычанием автомобилей. Город оживает.

Отряхиваю одежду от последствий скитания и обнаруживаю практически оторванный рукав куртки, который способен привлечь ненужное внимание к неряхе, которых нет больше в городах с классифицированным населением, пытаюсь каким-то образом «приклеить» его на место – не выходит.

Рюкзак на плечи. Глубокий вдох.

«Я справлюсь с этим.»

Достаю из кармана скомканную записку, вчера оставленную для меня кем-то под блюдом с десертом, которую удалось спрятать в карман халата, незаметно от «изверга», подношу к глазам и в сотый раз читаю:

«10.00. Завтра. Школьный автобус. Пересечение улиц Лейк-стрит и Фултон-стрит. Остановка – 3 минуты. Беги, Ханна! Ты будешь свободна!»

Понятия не имею, что это значит, кто это написал и как доставил. Но эта... крохотная записка – стала единственным, что возродило во мне давно забытое чувство собственного достоинства, придало сил, вернуло надежду обрести свободу. Даже если она будет мимолётной и одинокой, как вон та птица в небе... она будет.

Дверь кафе «Безе Люкс» встречает меня тонким звоном колокольчиков, от которого хочется поёжиться. Людей не много – заведение десять минут как открылось, но внимательные взгляды немногочисленных посетителей и персонала, тут же оценивающе скользят по моей фигуре.

Выше голову, расправить плечи, одарить всех холодным взглядом с долей высокомерия, лже-любезно улыбнуться женщине в белой шляпке, что уже успела оценить мои лохмотья и заляпанные грязью ботинки, а затем лениво потянуться в карман джинсов за золотой ID-картой высшего класса и с наслаждением наблюдать, как любопытные представители высшего общества спешат уткнуться своими длинными носами в свои любимые завтраки.

– «Эспresso». Двойной, – вручаю карту кассиру, и тот с долей сомнения во взгляде протягивает мне терминал с идентификацией по отпечатку пальца. А ведь обычно владельцы золотых карт не проходят такие унижительные процедуры.

– Благодарю... миссис Роуз, – наконец расслабленно улыбается. – Подождите за одним из столиков, пожалуйста, ваш заказ скоро будет готов.

Звон колокольчиков вновь вызывает желание поёжиться. Зато желание прилипнуть щекой к столешнице тут же проходит. А стоит взглянуть в витринное стекло, от сна и вовсе

следа не остаётся: двое патрульных прохаживаются из стороны в сторону, будто на утренней прогулке.

– «Американо». В красном стакане, – раздаётся мужской голос у прилавка.

– «Американо» только в красном и подаётся, – с очевидной насмешкой в голосе отвечает кассир.

Парень, которого я почему-то рассматриваю более заинтересованно, чем должна, с ослабленным видом оглядывается по сторонам, скользит взглядом по стенам, полу, мебели, будто... будто до этого ни разу в жизни в этом кафе не был. И вдруг отворачивается резко, а я тяжело вздыхаю и, решая не идти на поводу у неоправданно повышенного интереса к представителю – очевидно, – низшего класса, прикрываю глаза и принимаюсь массировать виски подушечками пальцев; чувствую, мигрень разыгрывается. И всё ещё трясёт. От всего трясёт.

– Вашу ID-карту, – слышу голос кассира.

Да где же мой кофе, в конце концов?

– Вашу ID-карту, *пожалуйста*, – повторяет кассир, когда я оказываюсь за спиной у по непонятным причинам замешкавшегося парня, который, опустив голову, смотрит на два стаканчика с кофе и будто бы сомневается: какой из них дожидается встречи с ним.

– Простите, – окликает кассира, занимающегося обработкой карты, – какой из них мой?

– Тот, что в красном стаканчике. Второй для дамы позади вас. Возьмите вашу карту, мисс.

Протягиваю руку за картой, и в этот же момент парень со странностями разворачивается так резко, что ему приходится схватить меня за руку и помочь избежать столкновения с полом, к которому непреодолимо потянул меня рюкзак за спиной.

– Простите. Не хотел вас напугать, – опускает козырёк кепки на глаза.

– Чего ждёте? – интересуюсь отработанным безразличным тоном. – Кофе забирать будете?

И вновь он мешкает. Словно красный от чёрного отличить не может. Но это ведь невозможно! Люди с подобными физическими отклонениями не живут в высокоразвитых городах. Это против правил. Новый мир исключительно для здоровых людей.

К чёрту. Какое мне дело, когда я сама по уши в дерьме?

Правильно – никакого дела.

Собираюсь забрать свой кофе и вернуться за столик, как взгляд парня вдруг устремляется мне в лицо. Такой пристальный словно... словно он разобраться в чём-то не может, словно это я его в замешательство каким-то образом привела. А, ну да, представительница высшего класса в лохмотьях. Это довольно смешно. Ха. Ха.

Собираюсь молча протянуть руку за кофе и оставить этого странного посетителя и дальше вести беседы с кассиром, но пошевелиться не могу, сказать и слова не могу, даже взгляд от него отвести не могу. Будто... одними глазами своими меня загипнотизировал, велел не двигаться, взглядом к полу пригвоздил. Чувствую, как мурашки крадутся вдоль позвоночника, неприятные такие мурашки, даже пугают немного.

– Кофе, – удаётся выдавить из себя всё с тем же безразличием.

– Прошу, – пропускает меня вперёд. – Возьмите свой.

– После вас.

Берёт один из стаканчиков и смотрит невозмутимо:

– И? – интересуюсь.

– И?

– Вам же сказали: красный.

– Значит, этот ваш. Можете не благодарить, – одаривает меня улыбкой, вручает мне мой кофе, забирает со стойки свой и отправляется за столик в самом дальнем углу заведения, пока я провожаю его высокую фигуру заторможенным взглядом и ничего с собой не могу поделать,

путаюсь в собственных мыслях, осознать пытаюсь, что только что говорила с человеком, который, судя по тому, что я видела, проник в город незаконно, то есть – уже практически мертвец.

Будущий мертвец, которому сегодня было суждено меня подставить. Сразу после того, как он подменил кофе брюнетки за столиком у окна на свой, а на улице каким-то «чудесным» образом загорелся мусорный бак.

Парень успел сбежать, а я даже не попыталась. Входы и выходы успели перекрыть до того, как я пришла к выводу, что нужно было последовать за тем парнем. Нужно было бежать со всех ног, ведь теперь это всё, что мне остаётся. Но я сама себя шанса лишила. Пока прибывшие копы загоняли посетителей обратно в кафе для выяснений обстоятельств, я продолжала сидеть за столиком... со вкусом кофе на языке, со жжением в глазах, со смятой в комок запиской в одной руке, с украденной парнем ID-картой в другой и со стойким чувством стыда перед самой собой. Ведь какой бы перепуганной не выглядела та девушка в жёлтом костюме, даже у неё хватило смелости и сил сбежать, ведь её сейчас нет среди посетителей, а я... а я как обычно не смогла посмотреть в лицо страху.

«Это конец», – была уверена. Сейчас меня отвезут в участок, и уже через несколько часов я буду обвиняться не только в воровстве, но и в убийстве собственного мужа.

Я люблю цифры. Люблю умножать, складывать, отнимать в уме... люблю просто считать.

Я была на четыреста семидесяти пяти, когда полицейский с прищуренными, полными заочного обвинения глазами, остановился напротив меня и потребовал вывернуть карманы и открыть рюкзак.

Я была на четыреста восемьдесят восьми, когда одно из витринных стёкол с оглушительным звоном посыпалось на пол, а в следующее мгновение помещение начал затягивать густой беспросветный дым.

Я сбилась со счёта, когда такси со свистом шин резко затормозило, едва не отправив меня на тот свет.

Я начала счёт заново, притаившись за мусорным баком во внутреннем двореке китайского ресторана, от которого рукой подать до пересечений улиц Лейк-стрит и Фултон-стрит.

«10.00. Школьный автобус. Беги, Ханна! Ты будешь свободна!»

Глава 5

Ханна

Настоящее

– Слушайте! Да это просто развод! Развод чистой воды, говорю вам! – Марша больше не выглядит уверенной, знатно побледнела, глаза растеряно бегают, а пальцы так и тянутся к горлу, будто проверяя, не наступает ли удушье, что в лишний раз доказывает – у нашего лидера-оптимиста не так уж всё и оптимистично.

– Уже минут сорок прошло! – подхватывает Кайла, рьяно кивая головой и нервно смеиваясь. – Если бы вода была отравлена, один из нас уже был бы трупом, разве нет? Я ведь права? Чёрт побери, я ведь права!

Саму себя убедить пытается.

– Сама спросила – сама ответила, – пускает шпильку в её адрес близнец-весельчак по имени Шон. – Нам и напрягаться не надо.

– Тебе весело, придурок? Походу все мозги брательнику твоему достались, а? – рывкает на него Чед, и Марша успевает перехватить его на полпути к Шону глухим ударом ладони о грудь. Смотрит ему в лицо и будто одним взглядом рот закрыть приказывает, и вот что действительно удивляет – Чед слушается: отшвыривает от себя руки Маршы, круто разворачивается, сцепливает пальцы на коротко выбритом затылке и молча отходит в сторону.

– Круто! Научишь? – восторженно смотрит на Маршу близнец Шон, но та будто не слышит: сверлит взглядом пол какое-то время, вдруг подхватывает с него свою бутылку с водой и яростно запускает в стену. – Чёрт!

– Как глупо, – лишь я одна слышу комментарий парня в капюшоне, который с очевидной жалостью наблюдает, как по полу расплзается лужа воды.

– Не твоя ведь, – бросаю ему, и парень медленно переводит на меня почерствевший взгляд. Глаза сужает с таким видом, будто я вообще в его сторону рот открывать не имею права, и он конкретно ошибается, если действительно так думает. Человек, который меня подставил, услышал бы гораздо больше, если бы мы с ним не оказались в одной лодке, которая медленно идёт ко дну.

Сжимаю в ладони бутылку с водой, молча поднимаюсь на ноги, и отхожу к стене, на которой и места «живого» из-за количества граффити не осталось.

Закрываю глаза и начинаю считать.

Один. Два. Три. Четыре...

Это всегда помогает сосредоточиться.

Пять. Шесть...

– Сколько времени осталось? – Голос придурка Линка сбивает, приходится начинать счёт заново.

– Один час девять минут, – негромко отвечает парень в капюшоне и следом по залу проносится басистый крик Чеда:

– Почему вообще у этого чудака часы не забрали, а?! У меня вот всё забрали!

– Это всё, что тебя сейчас волнует? – вспыхивает в ответ Кайла.

Слышу громкие шаги Чеда за спиной.

– О, больше игра не кажется тебе веселой, да, детка?

– Пошёл ты! – огрызается Кайла.

– В зале больше нет часов. Только у него, – на фоне ругани этой парочки доносится голос Марши. – Эй, парень? Парень?! Ты, с часами. Есть предположения?

И далеко не сразу ленивое:

– Нет.

Тяжёлый вздох Марши:

– Ладно. Как тебя зовут хоть?

И тут даже эта парочка неадекватов затихает, будто имя владельца часов способно как-то помочь узнать, кто из нас был отравлен. Однако совру, если скажу, что не прислушалась.

– Ной, – спустя долгую паузу отвечает парень и... и ругань Кайлы и Чед тут же возобновляется.

– Но-о-ой! – орёт Чед, тыча в него пальцем. – У Ноя на руке часы! Ной – единственный, кто не отпил из бутылки! А теперь попробуйте сказать мне, что это вообще ни фиги не подозрительно! Чтоб вас всех! – С разворота ударяет ногой по стене. – Я не хочу подыхать!

– Учитывая то, что один из нас не пил воду, есть шанс, что никто не отравлен. Маленький, но шанс, – медленно разворачиваюсь к нему лицом, и Чед пронзает меня таким свирепым взглядом, словно я не подбодрить пыталась, а только что для него место на кладбище забронировала.

Лишь спустя долгую паузу тишины раздаётся фыркание Кайлы:

– Вы действительно верите в то, что кого-то из нас отравили? Что это за яд такой: без вкуса, без запаха?.. Даже у него вода ничем не пахнет! – кивает на Ноя.

И как по щелчку пальцев взгляды всех устремляются на Маршу. Вот она – обратная сторона медали. Будь готов успокоить народ, предложить решение проблемы, если уж взял на себя такую ответственность.

Не завидую Марше.

– Мало ты знаешь о ядах, Кайла, – вздыхает та и на шумном выдохе опускается на пол. – Подождём ещё немного.

– Шикарно! – всплескивает руками Чед, приземляясь рядом. – Подождём и понаблюдаем, у кого из нас – прикурков, – первого изо рта пена повалит!

Перевожу взгляд на Линка, который негромко переговаривается с девушкой в жёлтом костюме – Лотти, – и замечаю, как сильно у той дрожат руки. Не отдаю отчёта действиям, когда оказываюсь рядом с ней, хватаю за рукав кофты и отвожу подальше от этого уroda.

– Не подходи к ней! – шиплю, бросая ненавистный взгляд в застывшее в замешательстве лицо Линка и вдруг ловлю себя на мысли, что если уж одного из нас действительно отравили, то знаю, кто мой фаворит на эту роль.

– Да мы просто разговаривали... – пожимает плечами Линк с самым невинным видом на свете, но я не собираюсь отвечать. И эта опечаленная улыбка на смазливом лице не способна меня подкупить!

– Не говори с ним. Тебе же лучше будет, – советую Лотти, усаживая её на пол недалеко от главных молчунов в нашей компании.

– Он меня пугает, – слабым шёпотом срывается с губ Лотти, так что едва удаётся слышать её слова.

«Ещё бы. Линк – та ещё сволочь», – успеваю подумать, а потом понимаю, что девушка говорит вовсе не о Линке, а о парне, который за всё это время ещё ни слова не проронил. Высокий, огромный как медведь, в чёрной кожаной одежде, похожей на байкерскую, обнажённые руки сплошь татуировками забиты, а абсолютно непроницаемое лицо с грубыми, наводящими жути чертами не выдаёт ни одной эмоции. Не удивительно, что даже Чед, до сих пор, не осмелился открыть рот в сторону здоровяка, ведь всё, что мы можем – это дать оценку его внешности, которую весьма сложно отнести к внешности добропорядочного гражданина. А это означает лишь одно – парень вполне может оказаться неклассифицированным членом общества, и один чёрт знает, что у него на уме.

– Такое чувство, что я его где-то видела... – шепчет Лотти, продолжая смотреть на здоровяка, а я почему-то смотрю на Ноя, который сбросил с головы капюшон, оставив тёмные

волосы топорщиться на затылке и, в свою очередь, не спускает глаз с меня, будто одним взглядом призывая не совать нос не в своё дело.

Думает, что я эту девчонку на разговор о нём раскрутить пытаюсь?..

Будто бы мне есть до этого какое-то дело.

«Ты будешь свободна, Ханна... Будешь свободна...»

Чёртово враньё!

БАХ! Оглушительный грохот раздаётся так внезапно, что из-за перепуганных вскриков окружающих, далеко не сразу удаётся понять, что послужило ему причиной, пока...

БАХ! Снова!

Бах-Бах!

– Мать вашу! Что за шутки?! – Чед первым подскакивает на ноги и в несколько больших шагов настигает чёрную дверь, со стороны которой и доносится звук. Да нет же... бьют прямо по двери. Очень... очень сильно. И определённо с другой стороны.

БАХ!

– ЧТО ЗА ШУТКИ, Я СПРАШИВАЮ?! – Чед замахивается и ударяет кулаком в ответ по стальной поверхности. Гул эхом проносится по залу.

– Хватит! Не стучи! – Марша, судя по покрасневшему лицу, вкладывает все силы, чтобы оттащить Чеда подальше, пока у того не лопается терпение и он не отправляет девушку в полёт к полу.

– Там кто-то есть! – орёт, как бык взбешённый, тарабани кулаками по двери. – Эй! Эй! Выпустите меня отсюда, уроды! Или я за себя не отвечаю!

И ещё громче – БАХ! В этот раз Чед отпрыгивает в сторону, глядя на дверь огромными наливающимися кровью глазами. Злыми, но не на шутку перепуганными глазами.

– Для чего они стучат? – Кайла обнимает себя руками и даже на шаг к двери не приближается. – Для чего?!

– Меня больше интересует не для чего, – Линк говорит предельно спокойно, не сводя глаз с двери, – а кто «они», и что им от нас надо.

БАХ!

– Да хватит уже! – визжит Кайла, не справляясь с напряжением. – Хватит это делать!!!

Бах-Бах!

Из угла доносится приглушённое всхлипывание, протяжное, будто щенок скулит – Лотти сидит на полу, раскачивается из стороны в сторону и тихонько плачет.

Здоровяк с татуировками по-прежнему в лице не меняется, но я успеваю заметить, как он что-то крепко сжимает в кулаке, а затем прячет это что-то в карман штанов.

Близнецы не вмешиваются в происходящее, держатся в стороне, как и парень-пофигист, которого я уже успела про себя так прозвать. И ещё один человек – девушка в роговых очках, из-за толстых стекол которых её глаза кажутся двумя маленькими пуговками. Высокая и тощая, слегка сутулится, с редкими светлыми волосами, собранными в коротенький хвостик, с бледным лицом без грамма румянца, в длинном сером сарафане поверх которого надет широченный, бесформенный свитер такого же цвета. Девушка, которая выглядит настолько незаметной и бесполезной, что никто до сих пор не счёл нужным даже поинтересоваться, как её зовут. И эта девушка сейчас обнимает себя руками и быстро, беззвучно, бормочет что-то себе под нос.

БАХ!

– Хватит уже!!! – горланит Чед, с размаху ударяя ногой по двери. – Или выпустите меня отсюда, или заткнитесь на хрен!!!

– Они пугают нас. – В этом я с Маршей согласна. – Наводят страху.

– Для чего? – Кайла смотрит на неё взвинченным взглядом и переходит на истеричный визг: – Это же просто игра! Почему они так с нами поступают?! Я не хочу... Я не хочу! Не хочу-у-у!!!

Марша хватает её за плечи и встряхивает до тех пор, пока Кайла не берёт себя в руки.

– Вот так, хорошо, – мягко похлопывает её по щеке, – успокойся, Кайла. Молодец, девочка. Паника – наш враг.

– Наш враг сейчас за этой чёртовой дверью!!! – И вновь ботинок Чеда сокрушается о дверь.

А затем гаснет свет, и глаза застилает чёрная, непроглядная пелена.

Перепуганные крики, ор Чеда, всхлипывание Лотти... изнутри разрывают голову, пока я, задыхаясь, инстинктивно, наощупь отступаю к стене. Мне нужна точка опоры. Мне срочно нужна эта долбаная точка опоры, чтобы прилипнуть к ней спиной, закрыть глаза и считать до тех пор, пока свет не загорится вновь!

И я нахожу эту точку. Точнее... она находит меня.

– Тс-с-с... – чьи-то руки обхватывают сзади и крепко прижимают к себе, лишая возможности шевелиться. – Не двигайся, – вкрадчивый шёпот щекочет ухо. – Всё хорошо. Дыши. Дыши, Ханна. Глубокий вдох, ну же...

– Отпусти... – хриплым, лишённым сил голосом. Горький ком разрастается в горле, кислород перекрывает, приступ паники накрывает с головой. – Отпусти меня, Линк!

– Ханна...

– Отпусти меня!!!

Лампы вспыхивают одна за другой, вновь даруя мне кислород. Перекладываю вес на одну ногу и что есть мочи ударяю подошвой по ботинку Линка.

– Да ты чего?! – кричит, разжимая руки, и я падаю на пол, ударяясь ладонями о старое крашеное дерево.

Ползу, не глядя ни на кого. Слёзы застилают глаза, чувствую, как капельки пота сбегает по шее. Ползу к ближайшей стене, припадаю к ней спиной и часто, отрывисто дышу, фокусируя зрение на ближайших ко мне фигурах. На Марше, которая вращает головой, проверяя все ли на месте, и на Ное, который даже позы своей не поменял: так и сидит у стены, выглядит предельно спокойно и собрано, и только взгляд выдаёт лёгкое замешательство, причиной которому, судя по тому, как пристально он на меня смотрит, послужило вовсе не отключение электричества. А я всё ещё тяжело дышу, будто после долгого бега, меня всё ещё трясёт от прикосновений Линка, и я не могу отвести глаз от лица Ноя, как не пытаюсь, потому что... потому что оно словно успокаивает меня. Не знаю, как объяснить это, саму себя не понимаю, но что-то есть в лице этого парня... что-то такое, что будто якорем цепляет, не позволяет течению унести меня.

– А это какого хрена было?! – рёв Чеда, заставляет вздрогнуть, и в эту же секунду Ной отводит от меня взгляд, плавно поднимая лицо к потолку, по периметру которого вновь горят люминесцентные лампы, одна из которых беспрерывно мигает.

– У всех всё хорошо? Ничего не изменилось? – Марша всё ещё играет в заботливого лидера.

– Всё ли у нас хорошо?! – с отвращением фыркает Чед. – Ты серьёзно сейчас?!

– Для чего они отключали свет? – Линк кружится вокруг себя и видимо осматривает зал на наличие изменений. А меня так сильно тошнит от его рожи, что я не могу заставить себя смотреть на него больше трёх секунд.

Близнец Шон переворачивает маты: один за другим, словно за те тридцать секунд, что помещение было погружено во тьму, что-то могло измениться.

– Тут ничего! – объявляет, пожимая плечами. – Что они задумали?

Марша, хмурясь, озирается по сторонам:

– Электричество явно не просто так отключилось.

– Или же это был обычный сбой, – простодушно отзывается Ной, чем заслуживает вопрошительные взгляды большинства.

Чед к большинству не относится.

– А как по мне, так они просто хотели проверить, кто наложит в штаны! – горланит, будто его никто не слышит. – И знаете что?! Я почти это сделал!!!

А вот Линка теория Ноя заинтересовала:

– Замки механические, – почёсывает подбородок и смотрит на чёрную дверь.

– И? – рывкает Чед.

– Прошлый век!

– И-и-и?! – одновременно протягивают Шон и Кайла.

– Что – «и»? – невесело усмехается Линк. – Век технологий, народ! Искусственный интеллект! Бесконтактные считыватели! Всевозможные идентификаторы! А это что? Механический замок – вот что!

– Видимо потому, что сбои электричества в этом здании бывают очень часто, – с пониманием кивает Марша. – Настолько часто, что либо здесь нет автономного генератора, либо даже ему не доверяют. А это значит...

– Мы в чёртовой глуши! – заканчивает за неё Чед.

Кайла, ничего не понимая, смотрит на Линка:

– Так вы думаете, они не запланировано нам свет выключили?

– Это он сказал, – Линк указывает пальцем на Ноя. – А я лишь по полочкам разложил.

– Странно это всё...

Чед, проходя мимо Ноя, намеренно задевает его ногой и требовательно интересуется:

– Эй, ты, Часы, сколько там натикало?

Ной одаривает Чеда тяжёлым взглядом из-под бровей:

– У тебя осталось тридцать минут.

– Чего-о-о?! – рожу Чеда тут же передёргивает. – Почему это – у меня?!

– Да так, – Ной дёргает плечами. – Навскидку сказал.

– Слышь, ты...

– Эй!!! – тревожный крик Шона заставляет Чеда замолчать. – Эй! Сюда! Её рвёт! Чёрт! Её рвёт!

– Кто она вообще такая? Она была здесь? – непонимающе протягивает Чед, как и все наблюдая за тем, как незаметную девушку в бесформенной одежде рвёт в углу зала.

– Началось, да?! – Шон переминается с ноги на ногу и огромными глазами смотрит, как Марша убирает с лица девушки налипшие волосы и приговаривает что-то успокаивающее.

– Дайте воды! – просит ни на кого не глядя. – Эй! Воду, говорю, подайте кто-нибудь!

Но никто не двигается с места.

– Дайте ей её же бутылку! – командует Чед. – Смысл переводить хорошую воду?

– Ну ты и придурок! – Кайла толкает его в плечо, подхватывает с пола свою бутылку и протягивает Марше.

– Ну, теперь хотя бы понятно, кому кранты, – усмехается Чед, на лице которого читается явное облегчение.

Девушку перестаёт рвать, но от воды, предложенной Маршей, она отказывается. Отходит в сторону и сползает на пол по стене.

– Дерьмово выглядит, – не удерживается от комментария Чед, за что вновь получает выговор от Кайлы.

– Так это не шутка? – глядя в одну точку пустым взглядом, тихо выдыхает Шон. – Они действительно отравили воду? Правда?..

БАХ!

– Чёрт! Да сколько можно?!

– Они опять стучат!!!

Чед на всех парах подлетает к двери и принимается вновь барабанить по ней кулаками:

– СУКИ! ТВАРИ! ВЫПУСТИТЕ МЕНЯ ОТСЮДА!

Лишь когда стук прекращается, Чед успокаивается и, ворча себе под нос всякого рода проклятия, опускается на пол и припадает спиной к двери.

– Посижу немного, – пыхтит и тяжело дышит.

– Ей совсем плохо, – Марша с тревогой смотрит на бледную девушку в очках.

– Нам нужен код! Какой у этого чёртового замка код?! – мельтешит по залу Кайла, прижимая ладони к низу живота. – И ещё мне нужен туалет!

– Сходи в угол! Всё равно весь зал уже блевотиной воняет! – предлагает ей Чед.

– У нас всё ещё есть шанс на то, что никто не был отравлен, – Марша сама с собой разговаривает. – Всё ещё есть шанс спасти её. Если Ной не пил воду...

– Не только я её не пил, – раздаётся спокойный голос, и наступает тишина. – Я ведь прав? – Ной смотрит на девушку, которую рвало. – Ты ведь тоже её не пила?

Девушка выглядит такой слабой, что даже взглядом Ноем не отвечает. Кажется, будто её вот-вот снова рвать начнёт.

– Но её вырвало, – в замешательстве подаёт голос Шон. – Все это видели.

Ной медленно переводит взгляд на близнеца:

– И что? – Короткая фраза, на которую никто не находит что ответить. – Пятнадцать минут, – со вздохом объявляет Ной и поднимается на ноги, будто наконец пришло время, и он собрался на выход.

Но пятнадцати минут оказывается недостаточно, чтобы подобрать к замку код.

Пятнадцать минут, тридцать, два часа, или четыре... какая разница? Ни у кого из нас нет ни одной мысли о том, каким может быть кодовое слово.

Жалких пятнадцать минут...

Марша и Линк, всё ещё надеясь на чудо, крутили диски с буквами, по очереди составляя из них приходящие на ум слова, в то время, когда атмосфера в зале стала тихой и напряжённой, ведь отсчёт пошёл на минуты.

Больше не обсуждалась вероятность отравления одного из нас и возможность летального исхода. Прекратился допрос девушки в очках, которая всё равно была не в силах ответить. Прекратились споры о том, в эпицентре чего мы всё же оказались: безобидной игры, или жестокого испытания на смерть. Шон прекратил веселиться и теперь молча сидел рядом с братом нервно кусая губы. Лотти перестала плакать и безмолвно наблюдала, как у двери, всё ещё не теряют надежды выбраться Линк и Марша. Здоровяк с татуировками и парень-пофигист перебрались поближе: здоровяк сжимал в кулаке какую-то вещь и с закрытыми глазами нащёпывал себе что-то под нос, а парень-пофигист тихонько насвистывал ненавязчивый мотивчик.

И только когда Чед, с бледным как простыня, перепуганным до чёртиков лицом, заорал на весь зал о том, что у него отнялись ноги, и он не выдумывает это, две вещи стали для всех безоговорочно очевидными...

Первое – с нами не шутят, и игра идёт не на жизнь, а на смерть.

И второе – отравленная вода была в бутылке, из которой пил Чед.

– Я не хочу умирать... Не хочу... Не хочу... – как ребёнок рыдал он, когда время было на исходе, а Марша и Линк, обливаясь потом, дрожащими руками, без перебоя крутили диски на кодовом замке.

Кайла рыдала, держа Чеда за руку. Умоляла, глядя в камеры, прекратить это, дать Чеду противоядие... Проклинала себя. Проклинала тех, кто нас запер! Желала им смерти, а затем вновь умоляла, чтобы они спасли Чеда. Но...

Мы не вложились в два часа.

Через тридцать две минуты, как сообщил Ной, сердце Чеда перестало биться.

Через тридцать две минуты, как ни в чём не бывало, Ной прошёл к чёрной двери и, ловко покрутив диски, набрал кодовое слово. Верное кодовое слово.

Со скрипом ржавых петель дверь открылась.

Глава 6

Ханна
Настоящее

«Фобия» – слово, набранное Ноем на кодовом замке.
Слово, набранное намеренно поздно для того, чтобы Чеда было уже не спасти.

Громкий, отрывистый, как воронье карканье смех прокатывается по залу – единственный звук, что слышится некоторое время, и я понимаю, что поспешила с прозвищем, которое дала парню-пофигисту. Сейчас прозвище «псих» ему больше подходит. Его смех, словно ударами тупого предмета, сокрушает голову. Хочется зажать уши руками. Хочется заорать, что есть мочи, чтобы заткнулся. Но... никто ничего не делает, не говорит. Я ничего не делаю, не говорю.

Парень замолкает сам. Несколько раз глумливо хихикает напоследок, маниакально-сумасшедшим взглядом смотрит на Чеда, затем на Ноя, останавливается на Марше и, с нездоровыми нотками в голосе, выносит вердикт:

– Мы все здесь умрём. Все мы.

«Не закрывайте дверь»...

«Не подходите ближе»...

«Ничего не трогайте»...

«Здесь могут быть ловушки»...

«Не паникуйте»...

«Держимся вместе»...

«Кайла... Кайла... Кайла, вставай! Иди сюда! Оставь Чеда! Мне очень жаль, но ему уже не помочь. Кайла»...

«Ханна?! А ты чего застыла? Идите сюда, обе»!

В голове отрывисто звучат реплики Марши, наперебой со странным шипением, вроде того, когда на линии телевидения пропадает сигнал, и картинка в телевизоре гаснет, уступая место мелким чёрно-белым мушкам.

Так и мой собственный сигнал с этим миром гаснет, пока я безмолвно смотрю в застывшие глаза Чеда и не чувствую своих рук, ног, тела... ничего не чувствую, даже внутри – пусто. Словно выпотрошили, словно ватой набили, в марионетку превратили, которая способна двигаться только с подачи кукловода. Сейчас я кукловоду не интересна. Сейчас он играет с Кайлой, по ниточке вытягивая из неё самые глубокие, болезненные эмоции.

«Все мы здесь марионетки», – вот что говорит шипение в моей голове.

Я не боюсь трупов, не боюсь человеческой жестокости, не боюсь угроз, боли и даже смерти...

Я боюсь лишения воли. Слишком долго у меня её забирали.

– Ханна, ты в порядке?

Медленно перевожу взгляд на Линка и... о, да! Чувства мои начинают оживать, заполняя пустоту внутри отвращением, ненавистью, презрением...

– Ханна... я... Я хочу...

Поверить не могу, что это чудовище смотрит на меня такими глазами. Что это? Неуверенность? Сожаление? Раскаяние?

Ложь! Всё, что делает и говорит Линк Поузи – ложь чистой воды!

– Ханна...

Молча разворачиваюсь и переступаю порог чёрной двери, присоединяясь к Марше и остальным столпившимся на входе и, судя по замешательству на лицах большинства, у них нет слов, чтобы как-то прокомментировать то, что они видят.

Если честно, я и сама не знаю, что сказать. Эта комната, она... странная. Жуткая, само собой, но ещё больше – странная. Тот, кто занимался её оформлением, определённо выложил на все сто. Одни лампы с красными плафонами чего стоят, рассеивающие по стенам цвета перспелой вишни, тусклый багровый свет.

– Здесь будто кровью всё залито... – раздаётся отчуждённый голос Шона, но ему никто не отвечает, только Кайла тихими всхлипываниями над телом Чеда.

Окон нет. Тёмный деревянный пол абсолютно пуст. Потолок всё так же высок, в каждом из четырёх углов по камере с красной мигающей лампочкой, а по центру зияет небольшое квадратное отверстие. В противоположных друг другу стенах по двери, в одну из которых встроен уже знакомый нам кодовый замок. Но вот от чего действительно мурашки бегут по коже, так это от единственного предмета, что есть в этой комнате – ровно по центру пола, ровно под отверстием в потолке, для нас было оставлено что-то наподобие рулетки.

Впервые такую вижу. Она не похожа на игровую рулетку, какие бывают в казино. У этой нет ячеек для шарика, и цифирных обозначений тоже нет. На диске этой рулетки двенадцать слотов – шесть красных и шесть чёрных, – разделённых между собой тоненькой перегородкой, за которую, судя по всему, при раскрутке цепляется вон тот маленький ползунок-стрелочка сверху и таким образом определяет, на какой из слотов падёт выбор. Вот только... в них пусто. Ни цифр, ни букв... ничего нет – двенадцать пустых отделений.

– Чертовщина... – громко сглатывает Шон, и я вижу неподдельный испуг в его широко распахнутых глазах. Точно такой же испуг застыл в глазах его молчаливого брата.

– Я не вижу противоядия, – шепчет Марша так, чтобы Кайла не слышала.

– Видимо его просто решили не спускать, – Линк кивает на отверстие в потолке, – когда поняли, что вовремя нам дверь не открыть.

Лотти держится позади всех, но как ни странно, выглядит лучше большинства. И только сейчас до меня доходит, что эту девчонку не обстановка пугает, не смерть одного из нас, и не ситуация, в которой все мы оказались, а что-то более важное, что-то, что принадлежит только ей. Нехотя выходит задуматься, как тесно связано это что-то важное с парнем, который всех нас выставил дураками... Парень, который знал код от замка, но всё равно позволил Чеду умереть. И теперь, пожалуй, стоит задуматься ещё и над тем, кого из этих двоих стоит опасаться больше: скрытного Ноя, или Линка Поузи.

– Эй? Эй, слышишь? – Марша щёлкает двумя пальцами перед лицом девушки в очках, веки которой подрагивают, а тело, как хрупкое дерево на ветру клонит то в одну сторону, то в другую. – Присядь, ладно? – Помогает девушке опуститься на пол. – Держи, тебе попить надо. Это хорошая вода.

– Как у неё получается? – шепчет Лотти, которую я вдруг обнаруживаю рядом с собой. – Марша... как у неё получается держать себя в руках, когда...

– ЭТО ВСЁ ТЫ!!! – свирепый ор больше похожий на рычание бешеного зверя, чем на женский голос, раздаётся из первого зала, и в «красную» комнату на всех парах влетает Кайла, хватая Ноя за воротник куртки и принимается изо всех сил трясти.

– ЭТО ТЫ ЕГО УБИЛ!!! ТЫ!!! – с бешеными глазами и перекошенным от гнева и бесилия лицом кричит Кайла. Но сил её оказывается недостаточно – Ной даже бровью не ведёт. Ему вообще плевать на то, что происходит. Абсолютно плевать.

– Сволочь! Как ты мог?! Как мог так поступить с ним?! Ты знал код!!! Всё это время!!! И... и... и просто позволил ему умереть, да?! Чем ты лучше тех, кто нас здесь запер?!!

– Кайла... Кайла! Успокойся!

– А ты вообще заткнись, долбаная мамочка!!! – переключает свой гнев на Маршу. – Что ты сделала для того, чтобы не дать ему умереть?! Кому нужны твои чёртовы речи, если от них нет никакого толку?!

– Прекрати! – строго глядит на Кайлу Линк. – Мы сделали всё что могли, чтобы помочь ему! Мы... мы пытались...

– О-о-о, да? – истерично усмехается Кайла, совершает попытку отшвырнуть от себя Ноя подальше, и круто разворачивается к Линку. – Прямо все-все пытались, да? – Указывает на Ноя и в омерзении кривит губы. – А вот этот урод даже пальцем не пошевелил! Это он... ОН УБИЛ ЧЕДА!!!

– ХВАТИТ!!! – голос Марши, как залп ружья заставляет всех замолчать. Даже Кайла затихает; впирается зубами в нижнюю губу, которая дрожит от накапывающих слёз, сжимает кулаки и смотрит на распахнутую дверь, через которую в соседнем зале видны ноги Чеда. Я понимаю её. И её желание обвинить всех и каждого тоже понимаю – это обычная защитная реакция человека, который пытается бороться со жгучим чувством вины, душит его яростью, затыкает агрессией. Ведь по сути, именно Кайла привела Чеда на смерть.

– Хватит, – на вымученном вздохе повторяет Марша и потирает лицо ладонями. – Я скоро с ума сойду...

– Не ты одна, – поддакивает ей Линк.

В два шага Марша настигает Ноя, напускает на лицо максимум строгости, словно прокурор во время судебного слушания, и требовательно озвучивает:

– Как ты узнал? Когда?

А Ной молчит. Молчит и глядит на Маршу таким безучастным взглядом, словно в его распоряжении есть адвокат, который одним махом способен оправдать его гнусный поступок.

– Отвечай!

– Тебе от этого легче, что ли станет? – бровь Ноя едва заметно выгибается.

– Почему ты... почему ты не сказал, что знаешь код? Как вообще узнал его?! И почему раньше не открыл эту проклятую дверь?! – Марша не спускает с лица Ноя «прокурорского» взгляда, в то время когда чувство вины Кайлы берёт верх, она забивается в самый угол «красной» комнаты, обхватывает голову руками и тихонько стонет.

– Эй, говнюк, я с тобой разговариваю! – Думаю, не одной мне кажется, что Марша вот-вот ударит Ноя; сжатые кулаки определённо намекают на это. – Он умер, это ты понимаешь? Чед умер! И в какой-то степени по твоей вине!... – Нервы Марши сдают. – ПОЧЕМУ ТЫ НИЧЕГО НЕ СДЕЛАЛ?! ПОЧЕМУ НЕ ПОМОГ ЕМУ?! КАК УЗНАЛ КОД?! ОТВЕЧАЙ!

А Ную вдруг весело становится. На устах блуждает расслабленная, лишённая всякого сожаления улыбка, а в глазах... чёрт, я вновь вижу это – отблесками от красных ламп, в его глазах плещется презрение.

– Я отвечу, – слегка склоняет голову набок и вдруг его взгляд устремляется мне в лицо, – когда она попросит.

Я?

– Так, ладно, – вмешивается в разговор парень-пофигист, пока мы с Ноем продолжаем неотрывно смотреть друг на друга. – С вами конечно нереально весело, вы крутые ребята и бла-бла-бла, но если кто-нибудь решит позаимствовать у меня этот грязный, но вполне удобный поджопник, не обижайтесь, если вдруг этой ночью мои пальцы окажутся на вашей шее. – И с глухим ударом на пол падает один из спортивных матов, притащенных парнем из первой комнаты.

– Всё ясно? Окей. Будем считать, что ясно. – Взгляд его, как и голос вызывает желание поёжиться. Горящий лихорадочный взгляд кричит о том, что у этого парнишки явные проблемы с адекватностью, в то время когда гнусавый, монотонный голос на одной минорной ноте, весьма успешно опровергает первое впечатление. Прямо парадокс какой-то.

– Ночью? – Шон выделяет лишь одно слово из всей речи парня. – Ты здесь ночевать, что ли собрался?

Парень-пофигист игриво дёргает бровями, но голос его звучит всё так же монотонно и с сарказмом:

– Как и ты. Поздравляю.

Матов оказалось достаточно, чтобы выложить их плотным квадратом вдоль каждой из четырёх стен. А у парня-пофигиста, которого, как он сообщил, зовут Арс, оказалось достаточно аргументов, чтобы все его послушались и обустроили «красную» комнату на ночлег.

– Поверить не могу, что мы останемся здесь на ночь, – вздыхает Марша, с вымученным видом опускаясь на один из матов, нещадно срывает со своих взлохмаченных волос резинку и принимается заплетать их в косу.

– Поверить не могу, что этот ублюдок позволил Чеду умереть! – с ненавистью шипит Кайла, бросая на Ноя затравленный взгляд.

На бёдрах Кайлы повязана куртка Чеда, которую Марше удалось снять с его тела. Все знают, что Кайла не выдержала напряжения, как и её мочевого, но как ни странно, у каждого из нас хватает тактичности, чтобы делать вид, что мы ничего не знаем и ничего не видели.

– Сволочь... Подонок...

Ной никак не реагирует на оскорбления. Вот уже минут двадцать он сидит на одном из матов и не сводит взгляда с рулетки.

– Мне так жаль, что он умер... – тихонько произносит Лотти сидя бок о бок со мной, будто не нашла другого свободного места. И мне это не нравится.

Наконец справившись с непослушными волосами, Марша свешивает руки с колен и требовательно смотрит на меня. Красные лампы бросают на её худощавое лицо жуткие тени, отчего девушка приобретает сходство с давно высохшим трупом.

– Спрашивай его! – командует и кивает на Ноя. – Мы должны знать, что, чёрт побери, у этого парнишки на уме.

– Как ты узнал код? – немедленно интересуюсь, переведя взгляд на Ноя и не только к моему удивлению, но и к удивлению многих Ной отвечает сразу:

– Удары о дверь.

– И что?

Склоняет голову набок и щурит глаза:

– Такого ответа тебе мало? – Криво ухмыляется. – Не разочаровывай меня, Ханна.

– А почему он только ей отвечает? – встревает Шон, имея в виду меня, но я продолжаю смотреть на Ноя. Неотрывно.

Признаться, доходит до меня далеко не сразу...

– Азбука Морзе, – произношу с пониманием, спустя паузу, и улыбка Ноя становится странно удовлетворённой, словно я только что сдала на пять сложный экзамен.

Глава 7

Ханна

Настоящее

– Азбука Морзе?! – будто ослышавшись, восклицает близнец Шон. – Каким на фиг волшебным образом, кто-то из нас должен был догнать, что это долбаная Морзянка?!

Арс, распластавшись на одном из матов усмехается, будто Шон что-то оригинальное составил. Марша с задумчивым видом почёсывает затылок. Кайла всё ещё ведёт борьбу со слезами и одним только взглядом проклинает Ноя. Линк продолжает разглядывать пустые стены, с таким видом, словно у него одного рентген в глазах, а все остальные – слепые насекомые. Парень с татуировками припал спиной, опустил веки, но явно не спит – слушает. А вот девушка в очках, которую не так давно тошнило, кажется, действительно уснула, свернувшись калачиком на одном из матов.

– Откуда ты знаешь Азбуку Морзе? – Марша наконец озвучивает вопрос, будто такой как Ной с радостью утолит её любопытство.

– Я много чего знаю, – отвечает нехотя и вновь переводит взгляд на рулетку.

Тишина. Слишком напряжённая. Марша, в конце концов, не выдерживает:

– Чёрт! Парень, просто скажи, почему ты не открыл эту грёбаную дверь раньше?! Чед хоть и был придурком, но он также был и одним из нас! Мы с ним в одной лодке были, это ты понимаешь?! Он умер! Человек умер! Чёрт-чёрт!!!

Всхлипывания Кайлы становятся громче.

– Я и вы? В одной лодке? – глумливо протягивает Ной, сверкнув глазами, и тут Марша вскакивает на ноги, хватая его за грудки и резко притягивает к себе:

– ДЬЯВОЛ! КТО ТЫ ТАКОЙ?!

– Эй... Эй, не надо! – спешит на помощь «святоша» Линк, пытаясь оттащить Маршу от Ноя.

– ТЫ КЕМ СЕБЯ ВОЗОМНИЛ, А?!

– Марша...

– МОЖЕТ ТЕБЕ ПО МОРДЕ СЪЕЗДИТЬ, ЧТОБЫ ТЫ С НЕБЕС НА ЗЕМЛЮ СПУСТИЛСЯ?!

– Хм, – расслабленно усмехается Ной, – если я спущусь с небес на землю, кто ж вас из этой комнаты-то вытащит, а?

– Да... Да как ты... Как... – Марша теряет, не может подобрать слова. – Кем ты себя возомнил? Думаешь, мы без тебя – никто?! Ничего не стоим?!

Ухмылка Ноя становится жёстче:

– Где бы ты сейчас была, если бы не я? В какой из комнат?

– Напекаешь, что мы все здесь тупицы?

– Напекаю? – вскинув брови, усмехается Ной.

Линку-таки удаётся убедить Маршу не кипятиться, и усадить её на место до того, пока она всерьёз не разбила Ную лицо.

– Дверь в спортивный зал не закрывать! Рулетку не трогать! – командует Линк, присаживаясь на мат рядом. – Постарайтесь немного отдохнуть.

Вот так вот незаметно власть переменилась. Непостоянная сучка.

Встаю на ноги и ни на кого не глядя двигаюсь к чёрной двери, на которой нет кодового замка. И как мы уже выяснили ранее, за ней находится не что иное, как туалет, имеющий вполне цивилизованный вид, две кабинки с унитазами, забитое снаружи стальной пластиной

окно, раковину и рулон туалетной бумаги. Воды нигде нет, так что через несколько часов сюда можно будет входить разве что в противогазе.

Прилипаю к стене и до боли в глазных яблоках смотрю на единственный здесь источник света – круглую красную лампочку, свисающую с потолка на тонком проводе.

Всё, что я хотела, это несколько минут побыть одной; если не для того, чтобы собраться с мыслями, то хотя бы для того, чтобы перестать находиться в эпицентре постоянной ругани, от которой раскалывается голова. Ну и для того, чтобы попытаться убедить себя: два трупа за сутки – не верх моей моральной выносливости.

Но видимо желание моё было из разряда заоблачных...

– Ханна? – Линк Поузи протискивает свою рожу через приоткрытую дверь, и я умоляюще вздыхаю.

– Ханна, можно открыть глаза? – Его глаза и вправду закрыты.

– Нет.

– Ты не одета?

– Да.

– Эм... Тогда я...

– Просто свали отсюда, Линк! – раздражённо.

Но вместо того, чтобы послушаться совета, Поузи, протискивается в туалет и закрывает дверь до того, как я успеваю вытолкнуть его наружу.

– Ты одета! – хмурит лоб, схватив меня за рукав куртки и тут же глаза открывает. Нелепо улыбается, демонстрируя ямочку на левой щеке, и второй рукой почёсывает затылок (видимо башка от шапки сопрела!).

– С какой стати мне вообще здесь голой стоять? – выдёргиваю руку и пытаюсь его обойти, но Линк преграждает дорогу, упираясь ладонями мне в плечи, и смотрит едва ли не с мольбой:

– Ханна, нам надо поговорить. Прошу.

– Дай пройти.

– Ладно. Хорошо, можешь ничего не отвечать, просто выслушай меня!

– Дай. Мне. Пройти!

Тяжело вздыхает, сверля меня настойчивым взглядом, от которого внутри всё шипами покрывается, и решает, что переведа тему, сумеет меня здесь удержать:

– Они там решают, что с рулеткой делать. Странная штукавина, правда?

Делаю шаг назад и опускаю голову, не в силах так долго смотреть на эту рожу.

– И парень этот... Ной. Тоже странный, не считаешь?

– Что ты сейчас делаешь? – шёпотом.

– Я... блин... я просто пытаюсь с тобой нормально поговорить, всего-то! Нормально.

Поговорить.

Серьёзно?

С абсурдом выдыхаю:

– Тебя по голове не били случайно? Память отшибло?

– Ханна... То... то, что было тогда, – в школе... Я... я был идиотом. Полным придурком!

– И с тех пор мало что изменилось.

– Ханна...

– Не подходи ко мне! – выставляю руки ладонями вперёд и пячусь ещё на несколько шагов. – У тебя кровь на футболке. – Наши взгляды встречаются. – Это кровь.

– Ханна, прошу...

– Вы закончили? – раздаётся другой мужской голос за спиной Линка, и теперь я во все глаза смотрю на Ноя, который со скучающим видом закрывает за собой дверь туалета и направляется к одной из кабинок.

– Эй! Мы тут разговариваем! – с раздражением выпаливает Линк.

– И это чудесно. Продолжайте, – кивает ему Ной.

– Да чтоб тебя! – бросает ему в спину Линк, круто разворачивается и вылетает из туалета, а Ной переводит многозначительный взгляд на меня:

– Нервный какой-то.

– Зачем пришёл? Ты ведь не хочешь в туалет.

– Правда? – приподнимает брови, будто бы задумывается на несколько секунд, и пожимает плечами. – Наверное, ты права. Перехотелось.

– Тяжело тебе? – смотрю на него твёрдо.

Ной выдерживает паузу, будто не понимая сути вопроса, слегка хмурит брови, разворачиваясь ко мне всем телом, складывает руки на груди и вновь таким взглядом смотрит, словно количество костей во мне подсчитать решил и одной вдруг не досчитался.

– Тяжело ли мне принять смерть того придурка? – хмыкает.

Я не это имела в виду. Странно, но не это. А всё потому, что и мне от смерти Чеда ни горячо, ни холодно. И это безразличие пугает.

– Красный цвет. Везде, – решаю пояснить. – Ты тут всё в других тонах видишь. Тяжело, наверное?

Делает шаг вперёд и голову набок склоняет:

– Рассказать тебе в каких, или что? – вопросительно выгибает бровь.

– А может, остальным расскажешь? Особенно интересно будет Марше. Что протаноп забыл в этом городе? И главное – откуда у протаноп ID-карта?

Ещё шаг вперёд делает, а я назад отступаю, до тех пор, пока не упираюсь пятками в стену. А Ной почти вплотную подходит, совершенно не стесняясь нарушать моё личное пространство. Так близко оказывается, что приходится задержать дыхание, чтобы на вдохе не задеть его грудь своей.

Взглядом по моему лицу блуждает, будто каждую чёрточку разглядеть хочет. Будто в этом есть какой-то большой смысл, доступный для понимания ему одному...

Упирает ладони в стену по обе стороны от моей головы, и мой взгляд падает на его губы, медленно растягивающиеся в холодной улыбке:

– Пойдём, расскажем, – предлагает. – Заодно и ты сможешь поведать всем свой маленький секрет. М? Что скажешь, Ханна?.. Стоит начать с того, какая чёрная кошка пробежала между тобой и твоим «другом» в шапочке, или же... возможно гораздо больший интерес у этой группки недоумков вызовет новость о том, что обладательница золотой ID-карты, по каким-то абсурднейшим причинам боится темноты?

Это его не касается!

Держу лицо кирпичом:

– Это не важно. Значение имеет лишь то, что я – официально квалифицированный член общества и это чистая правда, в то время, когда твоё нахождение в этом городе является нелегальным.

– Уверена? – бровь вопросительно выгибает и всё не стирает этой гадкой ухмылки с лица.

Нет. Не уверена. Но приходится быть уверенной:

– Так же, как уверена в том, что код от двери ты понял задолго до того, как Чед умер. Ты выжидал... выжидал момента, когда его уже будет не спасти и никакое противоядие не поможет. За что ты так с ним? Личная неприязнь, или же... или же все мы для тебя – лишь расходный материал в борьбе за выживание? Прихлопнул надоедливую муху?

Молчит. Но вижу, как улыбка, будто догорающий фитилёк свечи, медленно гаснет на его губах, а в глазах напротив вспыхивает пламя. Лицо оказывается ещё ближе, когда мои ладони рефлекторно ударяются о его грудь в попытке оттолкнуть, а его голос, будто пропитанный ядом, шипит, над самым ухом:

– А что если... ты права? Что если, такие как Чед – жалкие, тупые, эгоистичные твари, не видящие дальше своего носа, понятия не имеющие, что значит настоящая боль, сполна заслуживают такого конца?.. Но разве сейчас это важно?

Отталкиваю его от себя, но Ной обхватывает мои запястья пальцами и грубо вздёргивает кверху, прижимая к стене.

– Разве об этом ты должна думать, Ханна?

Молчу. Тяжело дышу, с вызовом смотрю в эти пылающие гневом глаза и понимаю, как много он не договаривает. Тщательно фильтрует слова, говорит исключительно то, что должен, а не то, что хочет. Давит в себе ненависть, не позволяет эмоциям взять контроль над разумом.

«Да кто же ты, чёрт возьми, такой, парень?»

– Какое значение сейчас имеют наши страхи? Наши подозрения? Наши тайны?.. Наша ненависть?.. Какое, Ханна? Ответь мне!

– Отпусти, – угрожающе в ответ.

– Ничто здесь не имеет значения, кроме одного – выжить.

– Так выживай! Что тебе от меня надо?

Выдерживает паузу, а затем вдруг тему переводит:

– Ответь честно, Ханна: то, что случилось с Чедом, ранило твою душу? Зацепило? Напугало?..

Не хочу отвечать.

– Не отвечай, – усмехается, будто мысли мои читая. – Я и так знаю ответ. По глазам твоим равнодушным прочитал.

Мурашки бегут по коже... то ли от взгляда его, то ли от пронизательности в словах, то ли от страха, что кто-то так нагло и неприкрыто ковыряется в моей душе, а я даже возразить как следует не могу.

Впервые встречаю человека, от которого хочется спрятаться как можно лучше – чтобы не нашёл, и в то же время оказаться так близко, чтобы и его душу потрогать, понять из чего сделана, какие хранит секреты, да и есть ли она у него вообще...

– В любом случае, будь я на твоём месте, то не дала бы Чеду умереть, – вытряхнув из головы ненужные мысли, выплёвываю с пренебрежением, и дёргаю руками, в попытке освободиться, но пальцы Ноя лишь крепче сжимаются на моих запястьях.

– Я сказал тебе так много Ханна, а смерть Чеда – всё, о чём ты по-прежнему думаешь? Не обманывай себя.

Хмурюсь. В каком смысле: он сказал мне много?

И вновь он усмехается, будто моё выражение лица его изрядно повеселило. Наконец опускает руки и отходит на полшага назад:

– Я оказался здесь случайно, – произносит на полтона тише и смотрит пристально, будто ожидая, когда же у меня в голове лампочка вспыхнет.

– Почему ты говоришь это мне? – головой качаю.

– А кому ещё?

Отлипаю от стены и, потирая запястье, для чего-то подхожу к Ною ближе.

– Ты единственный, кто знал Азбуку Морзе, – говорю неуверенно.

– Думаешь?

– Кроме тебя, никто ничего не понял.

– Или сделал вид, что не понял?

– А ты... – продолжаю соображать, – ты оказался здесь случайно.

Уголок губ Ноя приподнимается в удовлетворённой ухмылке.

– Стоп. – Головой встряхиваю. – Хочешь сказать, что среди нас есть кто-то, кто знал Азбуку Морзе, понял кодовое слово, но утаил это от остальных?..

– Задание было рассчитано на кого-то другого. На кого-то, кто хорошо знаком с Морзянкой. Иначе... не будь меня здесь, у вас бы не было и шанса открыть ту дверь.

– И почему я должна тебе верить?

– Разве я прошу тебя верить мне? – склоняет голову набок. – Просто включи логику. Ты же успела решить для себя, кто я такой. Так неужели думаешь, что такой, как я внезапно захотел развлечься, приняв участие в чумовой ролевой игре?..

– Что если ты знал, что это не просто игра?

– Ну... – с задумчивым видом, Ной кивает головой, – тогда я либо полный псих, либо самоубийца, но ни первое, ни второе определение мне явно не подходит, не считаешь?

– Беглец?

– От смерти к смерти? – усмехается. – А ты и смешной можешь быть.

– Ладно, – складываю руки на груди, решая поразмыслить над всем, что услышала позже, – а теперь ответь, что конкретно тебе нужно от меня? Сотрудничество? Доверие?

– Твоя внимательность. Всего-то... твоя внимательность, Ханна. Твои глаза.

– НЕТ! НЕТ-НЕТ! ТЫ ЧТО НАДЕЛАЛА?!! – гортанный крик Кайлы раздаётся из-за двери, и уже спустя мгновение я оказываюсь в «красной» комнате.

– Дура-а-а... Дура-а-а... – Кайла, которую едва ли удерживает на месте Линк, рвётся к Марше, посылая в её адрес одно проклятие за другим. – Он же ещё там! Дура ты безмозглая! Чед остался там!

– Да! И Чед мёртв! – Марша пытается говорить вразумительно. – Мы не могли притащить сюда труп, Кайла, пойми же ты!

– Что ты наделала? – голос Ноя раздаётся за моей спиной. Голос полный неодобрения и даже злости.

– Ха! – Марша, высоко задрав голову, походкой победителя шагает к Ною и выглядит донельзя самодовольно. – А ты что думал, парень? Самый умный здесь, да? Ай-яй-яй... прости, что пришлось доказать тебе обратное. Не ожидал?.. Ну-ка, взгляни на рулетку и повтори ещё раз, что без тебя, сопляк, нам ни за что не продвинуться дальше!

Но Ной не смотрит на рулетку, которая теперь горит разноцветными огоньками, а одиннадцать из двенадцати слотов высвечивают наши имена... Ной безотрывно смотрит на Маршу, которая светится не меньше, чем эта чёртова рулетка, и я вижу, как злость в его глазах медленно затухает, уступая место прежней холодности.

– Гордость твою задел, да?.. А я лишь пытался выиграть нам больше времени, – голос его становится прежним: спокойным и беспристрастным.

– Что? В каком смысле? – Марша свешивает руки по швам и неуверенно поглядывает на рулетку.

– Было очевидно, что закрыв дверь, мы продолжим игру. Ты сняла нас с паузы.

– Что? – Марша теряется. – Было... что? Это было очевидно?

– Смысл любого подобного квеста – найти выход из запертой комнаты, – голос Ноя повышается на несколько октав, он приближается к Марше и нависает над ней с высоты своего роста. – Из запертой. За-пер-той! Чего здесь непонятного? И только полный идиот мог не додуматься, для чего на этой рулетке двенадцать слотов! Вопросом было лишь то, как скоро на них появятся наши имена и как скоро будет дан отсчёт времени. Кодовый замок на двери... его ты тоже не видела?

– Я же говорил... чёрт... я же говорил: не закрывайте дверь! – вставляет Линк и с разворота ударяет по чёрной стали. – Я же говорил! Говорил тебе, Марша!

– А что бы это изменило? – Марша ищет поддержку в лицах окружающих. – Рано или поздно, нам бы пришлось это сделать! Пришлось бы закрыть дверь и тем самым включить рулетку!

- И тем самым сократить кому-то жизнь на парочку часов, ага, – доносится ворчание Шона. – Что если нас могли спасти за это время? Я уверен, что нас уже ищут!
- Всё будет нормально, даю слово!
- Действительно, – мрачно усмехается Ной, глядя на Маршу. – Ну раз уж всё будет нормально, то тебе и крутить рулетку.

Глава 8

Ной

Два года и два месяца назад

В это роковое лето, благодаря знойной засухе и неурожаю, жители моей резервации сполна успели познать самую беспросветную из всех возможных личин отчаяния. В конце весны редкие ливни скупо орошали алчущие поля, а за всё лето небо больше не проронило на землю ни капли. И даже здесь – в городке, окружённом кедровой рощей, некогда прохладный воздух насыщен зноем и пылью. Каждый день я наблюдаю за тем, как утром желтое солнце подымается на пустом небе и бросает горячие лучи на лишённую влаги землю, проходят часы, и гнетущий пар полуденного зноя подымается в воздух, охватывая резервацию томлением.

И так каждый Божий день. Я забираюсь на крышу дома, в котором живу вместе с семьей, что за семнадцать лет стала мне родной, надеваю кепку, тёмные очки и безмолвно наблюдаю, как из соседних домов навстречу новому утру, с мало чего выражающими, блестящими от пота лицами, показываются жители тридцать седьмой Новой резервации штата Иллинойс, «подпирающей» собой границы высокоразвитого города. Они натягивают на лица улыбки, прощаясь со своими близкими, а в душе молятся, чтобы тело не подвело их и вовремя доставило на работу, несмотря на палящее солнце и не самое лучшее состояние здоровья.

Работа... У некоторых она хотя бы есть.

Новые резервации – некогда обычные маленькие городишки, которые были перестроены, переименованы и снабжены всем необходимым для проживания граждан не прошедших классификацию. Городишки, чьё население было тщательно отфильтровано со времён введения программы ООН, включающей в себя систему распределения социальных классов во благо здорового общества.

Они называли это реформацией.

Мы прозвали это чисткой.

«Ресурсы земли истощаются», – заявляли они, приговаривая людей к изгнанию.

«Мы должны думать о будущем наших детей», – твердили они, высылая детей с врождёнными генетическими отклонениями за пределы родных городов, распределяя их по приёмным семьям в случае, если настоящие родители оказывались здоровыми и отказывались лишиться комфортной жизни и высокооплачиваемой работы. О, поверьте, такие были. Я – наглядный тому пример.

Чистке были подвержены все тяжело и неизлечимо больные, а также все, кто страдал от наследственных заболеваний. И даже те, кому генные заболевания не приносили особых хлопот и не требовали лучших клиник и дорогостоящего лечения, были высланы в резервации.

«Мы не знаем, как больной ген поведёт себя дальше, – драматично вздыхали они. – Он может мутировать через годы, или даже столетия и тогда существование человечества вновь окажется под угрозой. Вы должны понять... Мы не можем так рисковать. Мир... будущее без болезней – вот наша цель»!

И даже такой, как я – четырёхлетний ребёнок, которому от кого-то из предков передалась одна из степеней банального дальтонизма, оказался опасен для общества!

Со взрослыми поступали так же. Лишь некоторым наиболее больным старикам, позволяли закончить свои дни в домах для престарелых, не выезжая из родного города. Ходили слухи, что медработники по указаниям кого-то вышестоящего сокращали эти самые дни до минимума, ведь мест для всех не хватало, а правительство так спешило начать глобальную перестройку цивилизации, развитие которой целыми столетиями не вызывало сомнений! А тут оказалось, что движемся мы не в том направлении. Мы не понимаем намёков природы.

Сам мир кричит нам о необходимости сокращения численности населения, а мы – глупцы, – не осознаём этого. Оказалось, что жизнь, которую успели познать люди, подобно старому дереву необходимо выкорчевать из земли вместе с корнями и посадить на его месте молодой, здоровый, дающий надежду росток.

Порой мне кажется, что много лет назад, на одном из пленарных заседаний, какой-нибудь жирный урод в дорогом костюме, закинув ногу на ногу и выпивая третью чашку кофе изысканного сорта, за неимением лучших предложений, просто вякнул что-то вроде: «А давайте избавимся от больных? Они портят общую картину мира. Многие из них недееспособны, плюс это колоссальный перевод медикаментов! Бросим их всех в одну большую яму и забудем эту проблему, как страшный сон! Зачем изобретать лекарство от СПИДа, если мы можем избавиться от корня проблемы?»

И остальные тупицы такие подхватили: «А что! А это идея! Решение!». И только парочка из них незаметно сползла по спинке стула, мысленно подсчитывая количество неизлечимых заболеваний у всей своей родни.

Так я это вижу.

Другого объяснения этому глупейшему искоренению доброй части человечества у меня нет. Они решили спасти мир от неизлечимых болезней...Пфф...

Запасы нефти, угля, газа, металлов, минералов и редкоземельных элементов, даже воды и еды, заканчиваются, заставляя правительства и корпорации вступать в сумасбродную гонку за тем, что осталось. И дабы не допустить мировой войны, ООН и была придумана система распределения социальных классов – СРСК.

Если говорить простым языком, человечество разделилось на два лагеря: здоровые и подверженные любому генетическому заболеванию, а также тяжело и неизлечимо больные (большую часть последних заперли в изоляторах). Те, кто был сослан в резервации, находятся под наблюдением миссонов – так себя называют добровольцы, вызвавшиеся на временную службу под руководством армии США. Миссоны призваны охранять границы резерваций, привозить новеньких неклассифицированных, следить за порядком, производить регулярные обыски домов, а также раз в квартал поставлять скудные запасы продовольствия и медикаментов. Да, те, кто нуждаются в лекарствах, всё ещё получают их, хоть и в урезанном количестве, однако каждый из изгоев (коими мы себя прозвали сами) знает, что все эти подачки скоро закончатся. Всё, что нам остаётся – это создавать видимость жизни и со смирением ждать, пока смерть придёт по наши души. По все наши души, и тогда... через много-много лет, когда сменится не один десяток поколений и сломанные гены проявят себя максимально возможно, все существующие резервации опустеют, а подобные заболевания останутся в прошлом, потому что... изгоям запретили продолжать свой род.

– Эй! Эй, Ной, ты там?

Каждую среду в половине восьмого утра мой единственный в резервации друг – Арон Лэйт, поднимается сюда с одним и тем же вопросом:

– Ты переселился на эту крышу, что ли?

– Здесь лучше думается, – отвечаю, даже не обернувшись на голос.

На голос, который сегодня звучит слегка выше, чем обычно.

– Что на этот раз? – задираю голову и протягиваю лениво, но Арон не отвечает на вопрос.

– Миа сказала, что ты, как всегда не позавтракал, – с долей упрёка произносит, опускается на черепицу рядом со мной, свешивает руки с колен и щурит глаза, глядя вдаль.

– Я не голоден.

Арон поворачивает голову ко мне, и даже взгляд его выражает недовольство:

– Дружище, ты сдохнешь быстрее, чем скотина на ферме у Данди, если не будешь есть. Сейчас не то время, когда можно пропускать приём пищи, потому что хрен его знает, когда тебе повезёт пожрать в следующий раз.

– Им еда нужнее. Мие нужнее, – отвечаю, смеряя Арона безапелляционным взглядом. И тут этот придурок улыбаться начинает. Слегка печально, но как всегда обезоруживающе. Порой даже самому себе стыдно признаться в том, что голливудская улыбка этого парня способна кого хочешь сразить наповал. Нет, серьёзно! Улыбка Арона – опасное оружие, которым этот хитрец отменно научился пользоваться. Улыбка на все случаи жизни, чёрт побери!

– Убери её нафиг, – шиплю сквозь зубы и отворачиваюсь. Затылком чувствую, как он продолжает лыбу давить.

Слышу тяжёлый вздох и лишь тогда возвращаю внимание другу.

– Что случилось? – тут же спрашиваю, больше не в силах игнорировать странности в его поведении. Любой другой на моём месте не заметил бы ничего подозрительного, но я слишком наблюдательный, чтобы не придать значения этому, казалось бы, простому жесту, как небрежное прикосновение пальцами к волосам в попытке зачесать их назад.

Неужто время пришло?

Как интересно.

– Сколько мы уже дружим? Лет пять?.. Да-а... где-то так, – печальную улыбку включает. Такую горькую и многострадальную, что непреодолимо хочется съездить Арону по морде. Всё никак не может избавиться от привычки утрировать каждую из своих эмоций. Порой это сводит с ума!

До чистки этот парень и вправду был не обделён вниманием публики. Бывший боксёр в среднем весе, который не ограничился известностью лишь в спортивных кругах, но и решился попробовать себя в развлекательной индустрии: в различных шоу на выживание и прочей ереси. В общем, когда-то мой друг был медийным человеком, пока не перешёл дорогу какой-то важной шишке, и она тупо «слила» его в утиль, в смысле – включила в список. В тот самый. Что в лишний раз доказывает, в какие грязные игры играет правительство. Но... если ты попал в этот список, назад дороги уже нет. Ты – никто.

– Миа такая худенькая, – вздыхает Арон, пряча улыбку. – Ей всего... сколько?

– Восемнадцать недавно исполнилось. Даже не думай!

– Что? Ты серьёзно? – усмехается. – Да я бы ей не больше пятнадцати дал. А на малолеток у меня табу. К тому же, только debil в этой дыре не в курсе, что эта девочка при одном твоём виде... эм-м... слюнями обливается.

– Ты не это хотел сказать, – стреляю в Арона взглядом.

– Нет, не это. Решил, что ты не хочешь слушать про намокающие трусики своей сестры.

– Чёрт, Арон!

Смеётся, трясая плечами:

– Да вы не родные, расслабься!

– Миа мне всё равно, что родная, так что заткнись, Арон, если не хочешь покинуть мой дом не через дверь, а через крышу.

– Какой же ты сноб! Бу-э! – кривится, сверкая глазами.

Не желая продолжать эту тему, откидываюсь на черепицу, завожу руки за голову и, шурясь, поглядываю на Арона.

Несмотря на всё, я восхищаюсь этим парнем. Даже оказавшись среди изгоев, он не теряет уверенности в себе, позитивного настроения, и даже по свиданкам продолжает бегать. Меняет девушек, как перчатки, ссылаясь на то, что всё ещё ищет «ту самую», а глупышки и ведутся. Ещё бы. Высокий, крепкий, загорелый, с нехилым рельефом мышц, блестящими чёрными волосами, внешностью Аполлона, улыбкой самого Господа Бога и потрясающей способностью говорить такие сладкие речи, что любой заслушается. Кто на такого не поведётся?

Да, мой лучший и единственный друг – чёртов лицемер.

А ещё он лжец.

– Луис собирает всех на ферме у Данди, слышал? – разворачивается ко мне в пол оборота.

– Слышал.

– Пойдёшь?

– Для чего? Посмотреть на пустые поля, или на то, как кто-нибудь теряет сознание?

– Нет, конечно же, лучше сидеть на крыше и ждать пока солнце в башку напечет, – усме-
хается.

– Так ты поэтому на работу не спешишь? На ферму собрался? Там некого клеить, Арон.
Только если коров. Хотя, думаю, даже тем сейчас будет наплевать на твоё обаяние.

Арон в ответ молчит. И это странно. Мой друг молчит лишь тогда, когда сильно не
выспался, либо тогда, когда происходит что-то очень нехорошее, и он не знает, как сказать об
этом мне.

Причины может быть две.

Сперва исключим самую худшую.

– Чёрт! – рывком принимаю сидячее положение и сходу бью кулаком Арону в плечо. –
Клянусь, если Мейси залетела, я сброшу тебя с это крыши вниз головой!

– Да расслабься ты! – орёт в ответ, потирая плечо. – Если кто-то и залетел в этой дыре,
то я – последний, кто за это ответственен.

С облегчением вздыхаю.

– Говори уже, – смотрю на него исподлобья.

– Пойдём, – мрачно отвечает Арон, поднимается на ноги и возвращается к окну чердака.

– И куда же? – недоверчиво смотрю ему в спину.

– Хватит тебе в одиночестве думы думать. Одному тебе эту грёбаную систему не сломать.

– А ты вдруг стал внештатным Бетменом, и тебе понадобился Робин?

– Не смешно, – щурится.

– А я и не пытался шутить. Говори, куда ты меня собираешься затащить, или проваливай.

– Я сейчас ТЕБЕ втащу! Вставай, я сказал! Хватит задницу греть! Пошли... хочу тебя
кое с кем познакомить.

– Очередная девчонка?

– Я серьёзно! – Арон меняется в лице. Впервые вижу своего друга таким собранным и
будто повзрослевшим на лет десять.

Ну наконец-то.

– Давай, Ной, времени нет. Нужно успеть до того, как все вернутся с собрания на ферме.
Большая часть миссонов сейчас там.

– Ты не ответил «куда»?

– Увидишь, – отвечает Арон, исчезая в окне.

– А ничего, что...

– Спокойно, Ной. Это Нортон! Он на нашей стороне, – заверяет Арон, кивая на мужика
в военной форме, поглаживающего автомат.

– Он – миссон, – со всем свойственным мне спокойствием, киваю в сторону Нортон.
Уж не тот самый ли это миссон, что год назад мою семью половины квартального провианта
лишил, за то, что я пообещал Мие раздобыть свежих ягод и по глупости своей тайно покинул
периметр? Соответственно меня, дурака, поймали.

– Вы доверяете ему? – сбрасываю с себя руку Арона и отхожу обратно к двери, через кото-
рую оказался в одном из провонявших отходами и сточными водами помещений для работни-
ков обслуживающих канализационный коллектор.

– Если бы не Нортон, в тот раз твою семью вообще бы без поставки оставили! – Арон
одним взглядом призывает меня довериться ему. Довериться другу, который несколько лет
скрывал от меня, чем тайно занимается.

– Знаю, местечко не очень комфортабельное, но большего мы себе позволить, увы, не можем. Проходи, садись, парень. У нас здесь штаб. Будем говорить.

– Так значит ты здесь главный, отец Джейкоб? – цинично усмехаюсь, и брови священника слегка выгибаются.

– Я отвечаю за повстанческое движение лишь в нашей резервации, Ной, – слегка склоняет голову Джейкоб. – Прошу, присаживайся. Остальные скоро будут. А пока я введу тебя в курс дела. Арон привёл тебя сюда по моей просьбе, Ной. Мы долго наблюдали за тобой. Признаться, я не был уверен в том, что ты...

– Подхожу вам? – улыбаюсь шире, но вовсе не весело, и медленно двигаюсь вдоль одной из стен, разглядывая разноцветные гвоздики, с помощью которых к ней крепятся различные заметки и фото. – А я всё думал: когда же этот день настанет.

Отец Джейкоб и Арон многозначительно переглядываются.

Ситуация из разряда тех, когда по идее удивляться должен я, а вышло всё с точностью да наоборот.

– Ты знал? – шепчет отец Джейкоб, подходя ближе и внимательно вглядываясь мне в лицо, а я, в свою очередь, продолжаю обводить взглядом мрачное помещение, освещаемое лишь парочкой керосиновых ламп, изучаю чертежи на стенах, вырезки из газет...

– Старомодно у вас тут.

– Ной?.. – голос Арона звучит отчуждённо. – Ты знал? Знал, чем мы здесь...

– Не особо вы и шифровались, когда перешёптывались и знаки друг другу подавали. Миссоны может и тупые, а вот я нет... ничего личного, Нортон. А от тебя, Арон частенько воняло канализацией, – перевожу на него твёрдый взгляд, – в то время, когда ты возвращался с очередного свидания. Насколько логичным было убеждать себя в том, что твои свидания проходят в городском коллекторе?

– Но... но почему ты ничего не сказал? – Глаза Арона напоминают две большие пуговицы. А ещё он злится. – Почему не сказал, что знаешь о... о нас?!

Пожимаю плечами:

– Интересно было... насколько сильно вы во мне нуждаетесь.

– Да кем ты себя возомнил, сопляк? – рычит Нортон, трясая челюстью. – Нам солдаты нужны, а не такие букашки, как ты!

– Тогда почему я здесь? – бросаю на Нортон невыразительный взгляд.

– Довольно, – отец Джейкоб определённо имеет авторитет в глазах этого миссона, раз тот тут же смолкает и на тяжёлом вздохе опускается на один из деревянных ящиков, каких здесь с десяток.

– Ной? – зовёт меня священник. – Арон много нам о тебе рассказывал. Не держи на него обиду, ему запрещено было вводить тебя в курс дела раньше времени.

– И по какой же причине у него появилось разрешение ввести меня в курс дела сейчас?

– Арон заверил, что нам пригодятся твои мозги.

– А-а... вот как.

– Ной! – вспыхивает Арон. – Мы здесь не шутки шутим, а серьёзные проблемы решаем!

– Мечтаете сломать систему? – шурю глаза.

– Не просто мечтаем! – раздаётся женский голос за моей спиной. – Мы сделаем это! Мы ломаем систему!

Отец Джейкоб проносится мимо и принимается жать руку прибывшим соратникам, пока я рассматриваю каждое из лиц и мысленно отмечаю, что большая часть из этих людей была в моём списке подозреваемых вместе с Ароном.

– Думаю, нет смысла представлять вам Ноя, верно? – отец Джейкоб делает взмах рукой в мою сторону. – Все его знают? С этого дня, разумеется, если Ной согласится, он примкнёт к нашим немногочисленным рядам борцов за справедливость.

– Боже, отец, сколько пафоса, – фыркает та самая Мейси, с которой у Арона состоялось не самое лучшее свидание, после которого она сама его бросила.

– А это кто? – киваю на парня, чьё лицо никак не удаётся рассмотреть в тусклом освещении. И даже когда он подходит ближе, я не могу вспомнить, чтобы раньше его где-либо видел. – Новенький?

– Не совсем, – рука отца Джейкоба мягко опускается на моё плечо, и он представляет мне человека, с которым у нас никогда не сложится хороших отношений. – Ной, это Линкольн Поузи. Линкольн, это Ной.

– Просто Линк, – вставляет парень, дружелюбно мне улыбаясь.

– Линк не является членом нашей резервации. Он здесь тайно, благодаря связям Нортона. Но Линк является полноценным участником повстанческого движения, не смотря на ID-карту второго уровня и весьма влиятельных родителей... Он на нашей стороне.

– Не особо влиятельных, раз они позволили выслать моего брата в резервацию, – Линк протягивает мне руку и лишь спустя паузу напряжённой тишины, я отвечаю рукопожатием.

– Он наш связной, – на второе моё плечо опускается рука Арона. – Ему можно доверять.

– Так же, как и тебе? – спрашиваю Арона, а глаз с лица Линка не спускаю.

Дверь с грохотом распаивается, ударяя по стене, и в комнату влетает мальчишка Паркинсонов – Олли, недавно ему только десять стукнуло.

– Шухер! – задыхаясь, кричит Олли, едва пополам не складываясь. – Они... они... там... они... там... миссоны... они... старика Янси избили!

– Что?!

– Олли! Говори разборчивей!

Олли переводит дыхание и к своей неожиданности встречается глазами со мной:

– Ной... ты здесь? Прости, я...

– Что они сделали?! – не отдавая отчёта своим действиям, в три шага настигаю пацана, впиваюсь пальцами ему в плечи и грубо встряхиваю. – ЧТО ОНИ СДЕЛАЛИ?!

– Он что-то украл! – звенит голос Олли. – Твой дед что-то украл в продуктовом, и они избили его... Моника говорит, он... он не выживет. Мне жаль, Ной.

Глава 9

Ной

Настоящее

Смотрят на меня так, будто это я дверь закрыл.

Идиоты.

Смотрят так, будто у меня в кармане волшебный ключ припрятан, способный исправить глупейшую ситуацию, в которой все мы оказались благодаря Марше.

Не спорю, в её словах есть доля правды – рано или поздно дверь пришлось бы закрыть. Через час, три, или четыре, – когда жажда или потребность в пище дали бы о себе знать в полной мере, и мы были бы вынуждены двигаться дальше, продолжать играть, продолжать ходьбу по минному полю. Но, к собственному удивлению, во мне ещё сохранилась частичка того, что, как я думал, давно было утеряно – частичка надежды. Надежды на то, что этих часов может оказаться достаточно, чтобы кто-нибудь обнаружил место, в котором нас заперли, и вызволил на свободу без новых жертв.

Как велика была эта вера, и как сильно нуждался в ней я – уже другой вопрос.

Ситуация не предоставила мне большого выбора: либо я сдохну здесь, либо меня приговорят к смертной казни в городской тюрьме за нарушение закона. Вывод – всё, что могу, это тянуть время. Глупо. Но возможно только выигранное время подкинет мне третий вариант. Потому что я не готов умирать. И последнее, куда я хочу попасть – это в тюрьму «Нового мира».

И если выбора не будет, я предпочту смерть.

А ещё... с каждой минутой, потребность выбраться из этой комнаты становится всё больше и больше. Здесь я чувствую себя бесполезным, ни на что не годным. Здесь всё для меня видится в одном цвете. Эти стены... лампочки... всё похоже на сплошное болото тёмных, грязно-зелёных и серых оттенков. Именно в таком цветовом спектре видится мне этот свет. И даже больше – если бы они не назвали это «красной комнатой», я бы так и не понял, где нахожусь.

Поэтому мне и нужны Её глаза. И не только в этом помещении.

Почему именно она – Ханна? Потому что возникшее между нами и, как она думает – взаимное, недоверие, можно с лёгкостью превратить в сотрудничество на почве личных интересов. Главное, что интерес есть. Ханна умна, хоть и молчалива, она на «ты» с точными науками и не так проста, как кажется остальным. Что же касается остальных... вообще не вижу в них ничего, что может мне пригодиться.

Особенно в Марше.

– Ну и что нам теперь делать? – несмотря на свою лидерскую уверенность, Марша чаще других озвучивает наиглупейшие вопросы.

– Это рулетка. Её надо крутить, – не сдерживаясь, разворачиваюсь к рулетке и во всём этом болоте из грязных оттенков, фокусирую зрение на единственном, что имеет для меня другой цвет – имена на рулетке горят жёлтым. Один слот пустой. В нём должно было быть имя того, кого, по мнению остальных я убил. Имя Чеда, чей труп остался за запертой дверью. Уверен, ему не дадут там сгнить.

– А занимательная фигня! Если что, я не против крутнуть! – усмехается второй среди присутствующих человек, который раздражает меня меньше всего. Арс – парень, на чьё равнодушие к сложившейся ситуации, приправленное откровенным цинизмом, смотреть гораздо приятнее, нежели на поведение безмозглой куклы Кайлы, или слушать глупые шутки одного из близнецов. Лучше бы этот Шон молчал, как его брат. Молчит... но наблюдает.

Девушка в очках... Адель Бернар. Скорее всего, француженка американского происхождения, уж слишком чист её английский. А возможно всё гораздо проще и её имя, как и фамилия не настоящие. Если задуматься: с какой стати ей вообще было сообщать свою фамилию, когда Марша спрашивала лишь имя?.. Перенервничала? Привычка?..

Оставим на потом мадмуазель Адель.

Как и парня с татуировками. Никто до сих пор не выяснил даже то, как его зовут. Боятся. А у меня к представителю неформального движения пока что нет вопросов, за исключением одного – что он прячет в правом кармане своих штанов?

– И что делать будем? – близнец Шон, с глупым видом почёсывает затылок и смотрит на Маршу так, будто она – решение всех его проблем.

– Рулетку никому не трогать! – командует та, не спуская глаз с горящих жёлтым букв и нарезает уже третий круг по комнате.

– Как и дверь, – глумится Арс, развалившись на своём мате.

– Да это и ежу понятно! – повышает голос Шон, всплескивая руками. – Но делать-то что теперь? Крутанём эту штуковину и что потом? Кто-то ещё умрёт, да?

– Мы этого не знаем.

– Чёрт, это очевидно! – теперь Шон, не сдерживаясь, кричит на Маршу. Только второго Чеда нам тут не хватало.

«Где твой юмор парень? Хоть и плоский, но всё же...»

Пересекаюсь взглядами с Лотти, и та тут же опускает глаза в пол.

У нас с ней соглашение: она не выдаёт меня, я не сообщаю о её сотрудничестве с повстанцами. И до тех пор, пока соглашение действует, мы держим нейтралитет. Единственное, что мне не нравится – то, что Лотти всё больше и больше прилипает к Ханне. Видимо чувствует себя рядом с ней более защищённой. Что в свою очередь явно не нравится Ханне.

– Почему они правила не отправляют? – Линк, задрав голову, не сводит глаз с люка в потолке, видимо очередного самолётника дожидаясь. – Что насчёт времени и наказания? Код нужен, или нет?

– На двери кодовый замок, – смеряет его пренебрежительным взглядом Ханна. – Твой вопрос ещё актуален?

Хотелось бы мне убедить себя, что не испытываю никакого интереса к этой парочке. Только слепой, или полный идиот, не заметит, как между этим двумя летают целые снопы искр. Нет, не тех искр, что сравнивают с сексуальным влечением – искры, что метает в Линка Ханна, способны убить.

Хотелось бы мне убедить себя ещё и в том, что Линк не заслуживает смерти.

Когда-то я думал, что этому парню можно доверять...

Пора бы уже запомнить раз и навсегда, что в этом мире доверять нельзя никому.

– А что если отсчёт времени уже начался? – разворачивается к Ханне Линк, но та игнорирует его вопрос.

Я не видел Линка уже несколько месяцев и, признаться, был даже рад, что этот скользкий тип наконец-таки куда-то исчез. В штабе ходили слухи, что его взяли во время выполнения одного из заданий и приговорили к казни в «Моджо» – одной из страшнейших тюрем Нового мира, но... стоит ли говорить о том, как велико было моё удивление увидеть его рядом с собой в одном запертом помещении?..

Уж не знаю, кому обязан этой встречей и что на самом деле произошло с этим парнем, но точно знаю, что, следуя кодексу повстанческого движения, мы не выдадим себя, будучи не уверенными в том, кто стоит за этой игрой.

Глупо указывать друг на друга пальцем, когда у каждого грешков за спиной хватает и каждому есть чем и кем рисковать.

Не придя к согласию, все рассаживаются по матам и минут десять, в полной тишине, сверлят рулетку глазами; Арс при этом негромко посмеивается и смотрит на рулетку так, будто одним взглядом пытается её раскрутить.

А после жалких десяти минут тишины наступает полчаса баталий, необоснованных доводов и пустого сотрясения воздуха.

– Я согласна, – Ханна опускается на мат рядом со мной, но безразличие в её взгляде адресовано продолжающим спорить: Марше, Шону и Линку.

А я смотрю лишь на Ханну. Мне нравится её профиль. Если бы я был художником, уверен – захотел бы нарисовать её с этого ракурса. Идеально прямой нос, слегка поджатые лишённые пухлости губы, острый подборок, ярко выраженные скулы... Лицо этой девушки лишено мягкости, смазливости и того кукольного очарования, что так любят большинство парней. Красота Ханны настолько холодна, что я буквально ощущаю, как невидимые ледяные волны, что исходят от этой девушки, скользят по моей коже, вызывают мурашки и желание поёжиться. Но что ещё более странно – мне нравится это ощущение. И ещё больше нравится, КАК она смотрит. Никогда не встречал девушку, чей взгляд одновременно вызывает отторжение, невидимым кулаком ударяет под дых и в то же время приковывает к себе так сильно, что вопреки всему отвести взгляд от её лица становится болезненно невозможным.

Всё больше и больше...

Я до сих пор на неё смотрю.

И мысли мои начинают путаться.

– Я согласна, – своим низким, прохладным голосом повторяет Ханна и поворачивает голову ко мне.

Первый раз в жизни девушка заставляет меня растеряться. Пусть внешне этого не понять, но внутри... Мне только остаётся радоваться, что Ханна не способна видеть, что сейчас, чёрт возьми, творится с моими внутренностями, которые сжимаются при виде её бесстрастного лица наделённого удивительной властью...

Не та ли это красота, из-за которой в древние времена между мужчинами разворачивались целые войны?

– Что? – слегка сдвигает брови к переносице и глаза щурит. – Передумал?

– Нет, – беру контроль над телом и разумом.

Ханна вздыхает, будто поверить не может, что пошла на это, и переводит взгляд на Маршу, которая теперь пытается втолковать что-то Кайле.

– Мы не умрём! Всё будет хорошо, я обещаю! – заверяет Марша.

Слышится смех Арса.

– Что мне делать? – голос Ханны вновь возвращает моё внимание ей. – Ты сказал тебе нужны...

Не позволяя ей договорить, делаю выпад вперёд, одной рукой хватаю её сзади за основание шеи, а второй с силой зажимаю рот. Одновременно с этим, толкаю Ханну на себя, прижимаю к груди и быстро, но понятиливо шепчу на ухо:

– Ни слова о нашем разговоре в туалете. Не здесь.

Ханна замирает в моих объятиях, буквально столбенеет. Слышу лишь, каким частым и резким становится её дыхание, и чувствую, как громкие удары сердца проходят через моё тело. Дёргается.

Не отпускаю.

– Прослушка, – шепчу ей на ухо, и Ханна прекращает попытки вырваться.

Немного ослабляю хватку и убираю ладонь с её рта.

– В первой комнате я ничего не нашёл, – шепчу, вдыхая аромат её волос. – Скорее всего, они решили притупить наше внимание, чтобы мы вели себя раскрепощённой. Думаю, ты успела

понять, что каждому из нас есть что скрывать. В этой комнате микропрослушивающие устройства в двух из четырёх углов. В туалете – чисто.

– Зачем им прослушивать нас?

– Главный вопрос в том, зачем было создавать видимость, что нас не слышат?

– Они хотят услышать что-то конкретное, – спустя паузу шепчет Ханна.

– Вероятно.

– И вероятно от тебя, – и вновь дёргается. – Отпусти, – шепчет требовательно. – Не вынуждай меня жалеть, что я согласилась на...

Вновь усиливаю хватку:

– Мы ещё не договорили. Или тебя волнует, что думают о нас остальные? Смотри, как притихли.

– Я бы с радостью, но ты мне голову повернуть не даёшь.

– Пусть думают, что я тебя утешаю.

Был уверен – снова попытается вырваться, ведь я её гордость задел, но эта девчонка вновь меня удивила... тихим, ядовитым смешком:

– Может мне ещё притвориться, что я рыдаю здесь в три ручья?

– Ты умеешь рыдать? – не желая того, усмехаюсь в ответ.

– Я же сказала: могу притвориться.

– Эй, может, хватит там уже зажиматься, а? – раздаётся возмущённое всхлипывание Кайлы. – Чед недавно умер! На очереди кто-то из нас, а они тут... Время нашли!

Разжимаю руки и позволяю Ханне отстраниться. Но она не спешит уходить – по-прежнему находится близко, практически нос к носу со мной, и глаза её, которые смотрят в мои, вновь гипнотизировать начинают. Стопорят меня.

– Им мы говорить ничего не будем, угадала? – спрашивает тихо, имея в виду прослушку.

– Нам это не выгодно.

– Нам?

Отвечаю утвердительным взглядом, и впервые слышу, как эта девушка устало вздыхает, в то время когда в глазах её вспыхивают огоньки осуждения. Но она не спорит, опускается на мат рядом со мной и припадает спиной к стене.

– Почему он смотрит на тебя так, будто готов убить? – кивает на Линка, который в свою очередь испепеляет взглядом меня.

– Ревнует, наверное, – дёргаю плечом.

– Тебя?

– Теперь мы ещё и шутим? – поворачиваю голову к Ханне.

– Ты ведь не собираешься спрашивать меня о...

– Нет, – перебиваю, переводя взгляд на рулетку. – Я уже сказал, что именно мне от тебя надо. Никаких лишних разговоров.

«Никаких лишних разговоров», – повторяю мысленно трижды.

– Никаких лишних разговоров, – произносит Ханна.

– Помнишь, о чём я просил тебя?

– Да. Но это не значит, что я тебе доверяю.

– И это в лишний раз доказывает, что я не зря выбрал тебя. – Потираю запястье, уверенный – Ханна понимает, что я указываю ей на часы. Затем смотрю на парня с татуировками; Ханна прослеживает мой взгляд и коротко кивает.

О, да, поняла быстрее, чем я предполагал.

Тот, кто за нами наблюдает, отобрал у нас всё, что имелось в карманах и на теле. На месте остались лишь мои часы, которые нам необходимы, и предмет, который этот здоровяк прячет в своём кармане. Следовательно – в его кармане что-то не менее важное, чем мои часы. И надо

выяснить это, не поднимая пыли в воздух. Думаю, Ханна справится с этим. Мне необходимо её внимание.

– Эй, народ? – Шон поднимается на ноги, разводит руки в стороны и обводит всех недоумевающим взглядом. – Чего расселись все? Давайте уже решать, что с этой фигулиной на полу делать будем?

– Я согласна. – Кажется, эмоции Кайлы иссякли. Голос наконец-то стал тихим и безжизненным.

Линк присаживается перед рулеткой на корточки, потирает лоб пальцами и выдаёт вполне допустимый вариант:

– Я думаю, если рулетка остановится на пустой ячейке, у нас есть шанс перейти в следующую комнату всем вместе. Без потерь.

– Надеюсь, там будет что пожрать, – хмыкает Арс.

– Ты понимаешь, насколько малы шансы, что выпадет пустой слот? – Марша смотрит на Линка сверху вниз с упёртыми в бока руками.

– Та девка вообще спит, – продолжает «монотонить» Арс и кивает на нашу спящую псевдо-француженку. – Может, просто подставим под стрелку слот с её именем?

Вот оно!

Чёрт! Этот парень – Арс, несмотря на наличие ID-карты и мои предубеждения, нравится мне всё больше и больше. Он даже не понял, что сейчас сказал то, что в ближайшие минуты в корне изменит ситуацию и возможно... даже начнёт войну между одиннадцатью оставшимися.

Нет, не одиннадцать – десятью.

Отталкиваюсь от мата и поднимаюсь на ноги. Присаживаюсь напротив Линка и смотрю на одно единственное имя на рулетке.

– Есть соображения? – Линк не скупится на желчь в голосе, глядя на меня.

– Да. – Протягиваю руку и касаюсь рулетки, одновременно громко оглашая: – Если кто-нибудь тронет меня сейчас, я её раскручу!!!

– Ты что делаешь, мать твою?! – орёт Марша.

– Отойди! Не трогай рулетку, придурок! – кричит Линк.

– Чёрт, всё веселее и веселее, – безразлично вставляет Арс.

– Ной, не делай этого. Слышишь, не делай! – практически умоляет Шон. – Ради Бога, ты же умный парень вроде!

Именно.

Смотрю на каждого по очереди и делаю то, что собирался: лёгким нажатием пальцев пытаюсь слегка сдвинуть диск вправо.

– Так и знал, – мрачно усмехаюсь, глядя в напряжённое лицо Линка. – Всё было бы слишком просто крутись она вправо.

– Что? О чём ты?

– Рулетка крутится в другую сторону, – приподнимаю уголок губ в ухмылке и поворачиваюсь к Ханне, которая всё ещё не сдвинулась с места и озадаченно смотрит на меня.

– Да какая к чёрту разница, в какую сторону она крутится? – звенит над головой голос Марши. – Просто не трогай её! Не вздумай крутить! Отойди отсюда!

– Я не собираюсь её крутить, – отвечаю, не отрывая глаз от лица Ханны. Лёгким движением пальцев, сдвигаю диск влево, и с характерным мягким щелчком стрелка попадает на слот с её именем. С именем «Ханна».

– Твою мать! – ор Линк раздаётся одновременно с тем, как моё лицо охватывает пожар, острая боль пронзает подбородок, и я падаю на спину, чувствуя привкус солёной крови во рту.

– Я убью тебя! – разъярённо рычит Линк, хватая меня за грудки и вновь обрушивает кулак о моё лицо. – СУКА! ТЫ УБИЛ ЕЁ! ТОЛЬКО ЧТО! ТЫ УБИЛ ХАННУ!

Не успеваю ответить, как тело Линка вдруг отлетает в сторону и с глухим звуком падает на мат, а здоровяк с татуировками возвышается надо мной и выглядит так, будто готов раздавить меня как таракана – одним ударом подошвы. Или... мне только кажется?

– Что ты наделал?! – подключается к воплям Марши Кайла. – Ты сказал, что не будешь её крутить!

– А я и не крутил, – принимаю сидячее положение и вытираю кровь с разбитого носа. – Всего лишь переставил её на один слот влево. Никто ведь не озвучивал правила, верно?..

– Но... не понимаю... – Марша качает головой.

– Игра идёт в обратном направлении, если никто до сих пор понял! Ханна выбыла! – Довольный собой усмехаюсь и поднимаюсь на ноги. – Поздравляю. Претендентов на смерть осталось всего десять.

– А теперь сели все по своим местам и если кто-нибудь хоть на шаг приблизится к рулетке, – громким басом объявляет здоровяк, обводя комнату свирепым взглядом, – претендента на смерть больше выбирать не придётся!

Глава 10

Ханна

Год и три месяца назад

Ненавижу белый цвет.

Ненавижу его целых шестьдесят два дня.

Ненавижу так сильно, что порой хочется вырвать себе глаза, лишь бы с тяжёлым, болезненным выдохом погрузиться в блаженную темноту и перестать быть мотыльком, запертым в вечно горящей лампочке.

Но где гарантии, что мне однажды не надоест темнота?..

Где гарантии, что однажды мне не захочется вновь увидеть свет?

Да и... я слишком трусливая, чтобы причинить себе такую боль... Я слишком сильно боюсь темноты, чтобы остаться в ней навечно.

Всё, что я есть – это белое пятно на фоне белого пятна. Мягкие, белоснежные стены тесной камеры психиатрической лечебницы, в которой заперло меня чудовище. Пол, потолок, длинная сорочка на моём худощавом теле – всё того же тошнотворного цвета. Было бы у меня зеркало, я бы смотрела в него до бесконечности, потому что только моё лицо выделяется иными оттенками на общем фоне. Красные белки... вероятнее всего. Тёмные круги под глазами... вероятнее всего.

Ногти скребут по мягким стенам, не оставляя следов – вчера мне их остригли практически до самого мяса. Сразу после того, как напичкали успокоительным. Слышала, как эти сволочи насмеялись надо мной – над полуживой девушкой, которую лишили возможности двигаться, но не лишили способности слушать, смотреть... Смотреть на скалящиеся в бесчеловечных улыбках лица. Слушать, какая я жалкая, никчёмная...

Лязг засова раздаётся снаружи. Вздрагиваю.

Гремит связка ключей, слышатся голоса.

Вжимаюсь в угол, обнимаю колени руками и задерживаю дыхание до тех пор, пока дверь со скрипом не открывается и на пороге не появляется санитарка в голубой форме.

Голубой... Этот цвет я тоже ненавижу.

– Ханна? – фальшиво улыбается женщина-санитар, будто умиляясь забавному личику трёхлетнего ребёнка. – Ханна, милая, к тебе пришли.

А вчера эта сука называла меня жалким отбросом общества.

– Ханна? – повторяет, подходя ближе. – Ты меня слышишь, милая?

Склоняется ко мне, выставляя напоказ огромные отбеленные зубы. Поднимаю голову, растягиваю пересушенные губы в ответной улыбке и плюю в лицо этой стерве.

«О, да... я же вижу, как тебя перекосило! Давай! Чего молчишь? Скажи, какая я дрянь! Отвесь мне пощёчину! Ударь по рёбрам! Давай! Чего ждёшь?! Тебе же это нравится!»

– ХАННА! – громкий, басистый голос раздаётся у двери, и мне становится ясна причина такому удивительно покладистому поведению санитарки. Само чудовище явилось ко мне в гости! А чудовищ бояться все... даже коровы с лошадиными зубами.

– Всё хорошо, мистер Прайс. Ханна видимо сегодня не в лучшем расположении духа.

– Точно. Вчера надо было приходить, – мрачно усмехаюсь. – Вчера я вся светилась от счастья.

Тяжёлые ботинки мягко ступают по полу; санитарка отодвигается в сторону, уступая чудовищу дорогу, и мне в лицо устремляется властный, свирепый взгляд холодных голубых глаз.

Хлопок. Щеку обжигает огнём. Голова разворачивается в сторону. Прижимаю ладонь к горящему пятну на лице, оставленному тяжёлой ладонью Мэтью Прайса – моего отца, и до боли сжимаю зубы, чтобы не проронить ни слова в ответ.

– Кто учил тебя манерам, девчонка?! – утробным, угрожающим рычанием.

«Ты!»

Молчу.

– Быстро извинись перед Оливией!

– Извини... те, – цежу сквозь зубы.

– Всё хорошо! – хлопая ресницами, заверяет та, а у самой скулы от злости сводит.

– Поднимайся, – отец хватается меня за локоть и рывком вздёргивает на ноги, которые тут же подкашиваются от слабости и меня ведёт в сторону. Оливия подхватывает меня, будто добрая нянечка, обнимает за талию и мягко похлопывает по плечу.

– Она почти ничего не ест. Нам пришлось кормить её через капельницу. Плюс – приём лекарств был всего полчаса назад, так что не удивляйтесь, мистер Прайс, такое состояние – норма. Через час-полтора ваша дочь окрепнет.

– Хорошо, – отрезает отец равнодушным тоном и отводит взгляд в сторону в тот момент, когда наши взгляды пересекаются. Негромко прочищает горло, заводит руки за спину, так что ткань дорого пиджака натягивается складками на объёмном животе, и кивает в сторону двери. – Оливия, переодень её. Мы едем домой.

И мы едем домой. На папочкином блестящем, чёрном «Мерседесе» s-класса. Сегодня он сам за рулём. А, ну да – доходы с его бизнеса с некоторых пор больше не позволяют такую роскошь, как личный водитель, как аренда небоскрёба под офисные помещения, равно как и посещение элитных ресторанов во время каждого из приёмов пищи. Со времён реформации папочка вынужден во многом себе отказывать. Бедный-бедный папочка. Денег вот на психушку не пожалел.

От запаха кожаного салона вперемишку с хвойным освежителем воздуха, к горлу подкатывает тошнота. А возможно тошнота подкатывает из-за лекарств, которыми меня напичкали утром. Но скорее всего причина ей – чудовище, сидящее за рулём и бросающее на меня недоверчивые взгляды через зеркало заднего вида: видимо думает, что я способна каким-то образом разблокировать дверной замок и прыгнуть под колёса встречного автомобиля. И он полный идиот, если считает, что я на это способна. Мне дорога моя жизнь... какой бы она ни была. Я не хочу умирать. Я не готова. Но самое ужасное, что и бороться сил не хватает.

– Ханна, нам надо поговорить, – пытается смягчить свой жесткий, прокуренный сигарами голос. А я продолжаю смотреть на проплывающие за окном городские улицы, залитые летним солнцем, наконец наслаждаясь палитрой красок, по которой так скучала. Не то что бы я люблю этот город – я люблю движение. Движение создаёт видимость свободы.

– Ханна? Ты... ты же не держишь на меня зла, верно?

Молчу. И не потому, что ответить нечего, а потому, что моему отцу плевать на любой мой ответ, если только это не: «Конечно, папа», «Я согласна, папа», «Ты прав, папа».

И мало какое значение имеет причина, по которой он отправил своего единственного (по крайней мере, признанного) ребёнка в психушку. Значение имеет лишь то, что это пошло мне на пользу – отца не переспорить, можно даже не пытаться. Да и глупо пытаться переспорить настолько жестокого человека, как он. Когда-то у отца было столько власти, что некоторые его подчинённые боялись дышать в его присутствии. Некоторые его должники попросту пропадали без вести, а некоторые партнёры по бизнесу резко становились банкротами. Единственный добрый поступок за всю его жизнь, тот, когда он вытащил мою мать из грязи, когда узнал, что она беременна, женился на ней и обеспечил всем необходимым.

– Если бы не твоя фобия, я бы и не вздумал прибегать к таким мерам, Ханна. – Видимо думает, что это звучит мягко и сожалеюще, но нет... голос моего отца не умеет так звучать.

Он отправил меня в психиатрическую лечебницу, когда многие из существующих фобий поставили под вопрос угрозы для будущего человечества. Изначально ООН учитывались лишь серьёзные генетические и неизлечимые заболевания. Но чем больше времени проходило, тем длиннее становился «список». И вот не так давно под сомнение попала и боязнь темноты.

Мнения разделились как обычно, но, благодаря тому, что учёными было доказано: «Несмотря на одну из базовых догм классической генетики, приобретенный опыт может наследоваться», под обстрел попали и те, кто меньше всего этого ожидал.

Это и стало причиной тому, почему два месяца моим домом были «мягкие стены». Отец считает, что поступил разумно, и предотвратил вероятность моей ссылки в одну из Новых резерваций. В психушке, по задумке отца, меня должны были избавить от злосчастной фобии и подтвердить это документально. И весь этот процесс по идее должен был длиться около года. Вопрос – почему я еду домой так скоро?

– Я С ТОБОЙ РАЗГОВАРИЮ, ХАННА! ЧЁРТ! – Визг шин. – КУДА ПРЕШЬ, ОСЁЛ?!

– Всё, хорошо, папа, – отвечаю без эмоций. – Я всё понимаю.

– Вот и умница! А теперь сделай лицо попроще, у нас дома гости!

Под словом «гости», отец подразумевал известного и крайне влиятельного бизнесмена, владельца и акционера сети элитных гостиниц и казино, раскинувшихся по всей Северной Америке. И звали его...

– Ханна, это мой друг и будущий спонсор нашего семейного бизнеса – Николас Роуз. Николас... а это моя очаровательная дочурка Ханна.

Оказалось, что не так давно, Николас Роуз стал вдовцом, и чисто случайно (разумеется, случайно!) увидев в кабине отца мою фотографию, не смог не восхититься необычной красотой девушки, которая в дочери ему годится, и попросил её в жёны. Не за просто так, конечно же, а взамен на спонсирование бизнеса моего отца, повышение социального статуса нашей семьи до высшего и смену бронзовых ID-карт на золотые.

Долго мой папочка думать не стал.

– Ваша свадьба состоится через год – летом. Ввиду того, что жена Николаса скончалась не так давно, мало кто поймёт такую скоропостижную женитьбу, – со счастливой улыбкой на устах, какой я давно не видела, сообщил нам с матерью отец уже после того, как Николас покинул порог нашего дома, так и не услышав от меня ни слова. Я просто молчала, пока тот распинался о прелестях моей будущей жизни, даже в лице не менялась, а плакать и не думала – какой смысл? Я лишь смотрела на него бездушным взглядом и мысленно желала своему отцу самой мучительной смерти из всех возможных.

А потом я сорвалась...

– Да пошёл ты! – Коллекционная ваза с кофейного столика полетела в стену и дождём из осколков обрушилась на пол. – Сам женись на этой свинье и продолжай в своё удовольствие целовать его в зад!

– Ханна... Ханна... не надо, доченька, – мама, точно зная, что сейчас случится, обхватила меня за плечи, прижала к груди, и принялась умолять, чтобы я немедленно извинилась.

– Не буду! – заорала я ещё громче, круто развернувшись к монстру, готовящемуся разорвать меня в клочья за неподчинение, за протест. – НЕНАВИЖУ ТЕБЯ! СДОХНИ УЖЕ, НАКОНЕЦ! ОСТАВЬ НАС С МАМОЙ В ПОКОЕ! СДОХНИ! СДОХНИ!!!

Уже спустя секунду, пальцы отца сомкнулись на моей шее, а лопатки ударились о стену. Налитое кровью лицо с огромными бешеными глазами нависло над моим, и свирепо зарычало, брюзжа слюной:

– Ты сделаешь это, маленькая дрянь, ПОНЯЛА?! Я – твой отец! Где твоя благодарность за всё, что я для тебя сделал?! А?! За всё, что Я тебе дал?!

Пальцы удавкой затягивались на шее, воздуха становилось катастрофически мало, в глазах плыло... Где-то на заднем плане маячил силуэт мамы, она плакала и рвалась ко мне, пока единственный оставшийся у отца охранник не обхватил её сзади и не потащил прочь с гостиной.

– Так... так вот... зачем... Вот зачем... я была нужна тебе?.. – прохрипела едва слышно, но он услышал...

– Николас Роуз одним щелчком пальцев способен решить все мои проблемы! Все наши проблемы! – склонился надо мной ещё ниже, так что в нос ударил застоявшийся запах сигар. – А ты глупа, как и твоя мать, раз не способна понять этого! Когда станешь его женой, никто и вспомнить не посмеет, о какой-то там чёртовой фобии!

– Пле... плевать мне.

– Дрянь! – отшвырнул меня в сторону, и я рухнула на ковер, с громкими свистящими звуками пытаюсь насытить лёгкие кислородом.

– Даже если не сделаешь этого, – огромной тенью силуэт отца вырос надо мной, – не-е-ет, я не отправлю тебя в резервацию, Ханна... Я верну тебя туда, откуда сегодня вытащил!

«И я буду счастлива такому исходу», – хотелось ответить мне, но отец добавил:

– В случае отказа Роузу... в резервацию отправится твоя мать! И будет жить там пока с голоду недохнет!!!

На этом была поставлена точка.

Спустя год я вышла замуж за ещё одно чудовище сродни моему отцу – пятидесятилетнего Николаса Роуза.

Спустя две недели после свадьбы, отец рассказал матери, что всё это время шантажировал меня ею.

Спустя три дня моя мать покончила с собой, веря, что её смерть избавит меня от обязательств и вернёт мне свободу.

Спустя три месяца после свадьбы я убила собственного мужа. И уже на следующий день вновь оказалась узницей, так и не успев распробовать вкус свободы... Моя свобода слишком эфемерная, непостоянная... Она убегает от меня, а я за ней не поспеваю.

Я родилась узницей.

Моя свобода – всего лишь миф.

Прости, мама... у меня всё равно не было шансов.

Белые стены. Сознание, словно в тисках.

Запертый воздух давит нещадно на грудь.

Место, что временно мой притупляет страх,

Свободы желанной глоток не дает вдохнуть.

Место, откуда не вырваться, не уйти.

Если бежать, то только ломая стены.

– Ханна, – прошепчут, – мы можем тебя спасти!

Только поверь, – и спокойствие колют в вену.

Лживые лица пытаются мне помочь,

И лебезят смешно перед «главным страхом»:

– Вы обещали представить здоровую дочь!..

Только не знали, что все обернется крахом,

Что темнота продолжит меня душить -
С каждой минутой сильнее ее объятья...
— Милая Ханна, ты можешь спокойно жить.
Свадьба не ждет – подберем тебе белое платье.

Клетка открыта – свободы, как прежде, нет.
Можно бежать – да вот только двойной тариф.
Дайте на волю, пожалуйста, мой билет.

—Мама, ты слышишь?!
Свобода всего лишь миф...

© Черемных Ирина

Глава 11

Ханна

Настоящее

Я не слышала звук означающий, что рулетка сдвинулась с места – было слишком шумно. Но я точно знала, на какое имя указала стрелка – поняла это по глазам Ноя. По тому, КАК он на меня смотрел. И что странно – я не почувствовала страха. Наоборот – мне стало спокойнее, будто только что меня сняли с прицела. Давно не испытывала ничего подобного, что странно вдвойне, потому что Ною я не доверяю точно так же, как не доверяю каждому из нашей группки неудачников.

Ною нужны мои глаза? Что ж, я позволю ему думать, что согласилась на это из-за безвыходности. На самом же деле... взамен мне нужен его разум. Чтобы выбраться – не больше и не меньше.

Он вновь смотрит на меня. Зажимает пальцами разбитый нос, пытаюсь остановить кровотечение, а глаз с моего лица не спускает: наблюдает, следит за моей реакцией, или пытается сказать что-то взглядом?.. Только гений может прочесть что-либо по лицу этого парня! А я... нет, я не гений.

– Хорошо. Раз все успокоились, мы просто поговорим, – татуированный здоровяк, смотрит на каждого по очереди, видимо удостовераясь, что никто не собирается покидать свой угол, и тяжело, протяжно выдыхает, опуская руки по швам.

Минуту назад этот неформал внушительного вида угрожал физической расправой каждому, кто сунется близко к рулетке, а теперь говорит и выглядит так, будто мы все к нему на исповедь явились, и он готов выслушать нас со спокойствием проповедника.

– Меня зовут Бобби, – решает представиться он. – Думаю, пришло время познакомиться.

– Нормальное такое имечко, – Арс скептически-безразличным взглядом скользит по фигуре Бобби. – У моей бабули так пёсика звали. Иногда он гадил на ковёр, и тогда бабуля покупала нового.

– Нового? – Шон смотрит на Арса в стиле: «Какого хрена ты несёшь?!». – Новый ковёр, в смысле?

– Нового Бобби, в смысле, – подмигивает ему Арс. – Кажется, у бабули было штук десять Бобби.

– Э-э-э... – у Шона приоткрывается рот, но Марша не даёт ему ответить.

– Может, хватит уже бред нести?! – Вскрикивает на ноги, складывает руки на груди и невозмутимо смотрит на амбала. – Какого чёрта, здоровяк? Надоело играть в молчанку? Решил взять ситуацию в свои разукрашенные руки?! Окей! – Марша дёргает плечами. – Делай что хочешь, но только после того, как позволишь мне надрать зад этому говнюку! – И указывает пальцем на Ноя.

– Этому парню и так досталось, – и вновь в голосе Бобби звенят стальные нотки.

– Что?! – с абсурдом выдыхает Марша. – Этот говнюк только что Ханне смертный приговор выписал, а ты его защищать надумал?! Серьёзно?!

Хм... и почему мне рассмеяться хочется?

Каждый из них, в том числе и Марша, считая, что жить мне осталось несколько минут, мысленно радуется и благодарит Ноя, что тот выбрал меня, а не кого-то из них.

Лицемерие... как же я люблю его. Что ещё? Жалость, сочувствие, проявление лидерских качеств? Альтруизм, в конце концов? Однозначно, у Марши плохо выходит.

Голова Бобби медленно поворачивается в мою сторону, и так же медленно обратно – к Марше:

– Тогда почему Ханна всё ещё жива?

– А мне откуда знать, чёрт побери?! – психует Марша. – Лучше бы тебе се...

– Ной! – властным голосом перебивает девушку Бобби, и Марша замолкает на полуслове. – Объясни им ещё раз. Никто ничего не понял.

– Отличная идея, братан! – щёлкает двумя пальцами Шон. – Не мог предложить её до того, как мы начали тебя ненавидеть?

– Зачёт, – Арс протягивает Шону кулак, и тот ударяет по нему своим.

– Он спас Ханну, – голос Линка будто время на несколько минут останавливает. На несколько минут, когда все безмолвно смотрят то на Линка, то на Ноя, и видимо решают, кто из этих двоих больше спятил.

– Так ведь? – глаза Линка смотрят в мои. – Ты даже не испугалась. Ты даже с места не встала! Даже слова ему не сказала! Я прав, Ханна? Этот придурок не убил тебя... а спас?

Все удивлены этому. Все, кроме меня.

Ной мыслит иначе – не так, как мы... и то, что кажется всем глупым, на самом деле – один из гениальных ходов этого парня. Но нужно ли мне объяснять это остальным?.. Нет, не думаю.

– Рулетка крутится в обратную сторону, – Ной проясняет ситуацию. – В правую – стоит блок. При раскрутке стрелка указывает не на того, кто умрёт, а на того, кто выходит из игры – из этого раунда, то есть – остаётся в безопасности. Рулетку можно раскручивать и ожидать случайного результата, но можно и плавно крутить её вручную, как сделал я, главное – уверено и на одной скорости. Потому что как только диск остановится, имя одного из нас погаснет.

Под внимательными взглядами присутствующих, Ной поднимается на ноги и занимает место по правую руку от Бобби. Тот не возражает.

– Следующий на кого укажет стрелка, так же, как и Ханна будет спасён, следовательно, человек, чьё имя в итоге останется единственным горящим на диске... умрёт. Так понятней?

– Вот я и говорю, – с серьёзным видом, кивает Бобби, – каждому, кто подойдёт к рулетке, я сломаю руку. Даю слово.

И вновь пространство наполняется тишиной. Её всё сложнее становится слушать... тишину, которая всё больше и больше пропитывается страхом.

– Ладно! – Марша решает продолжить играть в лидера, делает шаг к Ною и с громким хлопком ударяет ладонью ему по плечу. – А что если последним на рулетке останется твоё имя, парень? М?.. Ты позволил Чеду умереть, так что не обижайся, но среди нас ты – последний, кому можно доверять.

Нормальный человек, в ответ на подобное заявление как минимум попытался бы объяснить, да что угодно придумал бы, лишь бы оправдать поступок, из-за которого недавно умер парень Кайлы, но... Ной – не нормальный человек. Улыбка, что касается его губ, взгляд, которым он смотрит на Маршу теперь, лишь подтверждают это.

– Почему ты сморишь на меня так, будто я идиотка? – осведомляется девушка, но я слышу нотки замешательства в её голосе.

– Потому, что ты сама себе роешь могилу, – легкомысленно отзывается Ной.

Глаза Марши сужаются, а изо рта вырывается смешок:

– А я думала, ты умный парень. Без обид.

– Разумеется, – кивает Ной.

– Только полный дурак мог спасти кого-то другого, а не себя! – восклицает из своего угла Кайла; голос её всё ещё дрожит и будто вот-вот сорвётся на плачь.

– Дошло наконец? – улыбается Марша, глядя на Ноя. – Ты сам себе смертный приговор вынес, парень. Никто из нас не хочет находиться рядом с тем, кто в любой момент может ударить ножом в спину. И мне очень жаль, что из-за этой ужасной игры нам приходится... приходится делать выбор, но... Да что с тобой не так?! Почему так смотришь?! Я пыталась верить в то, что все мы можем спастись, но не я придумывала эти дурацкие правила!

Ной, с расслабленным видом, заводит руки за спину и продолжает глядеть на Маршу так, словно она самое глупое существо во вселенной.

– Ты зарываешь себя всё глубже и глубже, – сообщает он девушке.

– Да какого хрена, мать твою?! – у Маршы сдают нервы, она разводит руки в стороны и делает оборот вокруг себя, видимо ожидая поддержки от остальных.

«Может и вправду стоит вмешаться»? – думаю я.

Вмешаться, пока Марша сама себя на смерть не отправила.

– Почему ты спас Ханну? – Линк вмешивается раньше, занимая место рядом с Маршей, и девушка одаривает его благодарным взглядом.

– Почему? – хмурится Ной. – Чтобы обезопасить её, чего тут не понятного?

– Непонятно то, почему ты спас её, – Линк указывает пальцем на меня, – а не свою шкуру. Уголок губ Ноя вновь приподнимается в ухмылке:

– А зачем мне спасать свою шкуру, если это в любом случае сделает один из вас?

Марша фыркает, как и Кайла, как и Шон, а вот Линк выглядит задумчиво:

– Думаешь, Ханна спасёт тебя в ответ?

Ной бросает на меня короткий взгляд:

– Нет. Только если Ханна не дура. А она не дура.

– Я ничего не понимаю, – вновь фыркает Марша и принимается бродить из стороны в сторону, а Бобби внимательно наблюдает за ней, видимо думая, что девушка может броситься к рулетке и натворить глупостей.

– Прежде чем оставить моё имя единственным на диске, – спокойно произносит Ной, – советую хорошенько подумать над тем, благодаря кому вы вообще поняли суть задания. Благодаря кому оказались в этой комнате, и с чьей помощью сможете продвинуться дальше, и если вы не настолько глупы, то не станете «сливать» из игры единственного человека, который способен на это. И ты, Линк, можешь снова разбить мне нос, или ты, Марша, можешь попытаться устроить против меня заговор, но факт того, что вам нужны мои мозги, от этого не изменится. И раз уж ты, Марша, собираешься настаивать на своём лидерстве и убеждать остальных в моей малозначимости, лично тебе советую задуматься над тем, зачем им лидер, который до сих пор ещё ни разу не проявил свои лидерские способности должным образом. Сейчас не время заводить друзей, делиться на группы и вешать на меня ярлык убийцы. Найти выход – вот, что сейчас важно. И инстинкт самосохранения – поверь на слово, Марша, – велит каждому из них держаться поближе ко мне, а не к девушке, у которой нет ничего, кроме громкого голоса и амбиций.

«Поздравляю тебя, Ной! Всё пошло в точности по твоему плану.»

Теперь я немного понимаю, почему он избавился от Чеда... Чед был слишком глупым, слишком громким, а значит – неуправляемым, а значит – на Чеда Ною труднее всего было бы воздействовать.

Каждый из нас может ненавидеть Ноя, но только полный болван не понимает, что только рядом с ним шансы выжить куда больше, чем рядом с Маршей. И даже Марша это понимает!

А я предпочитаю молча наблюдать, быть одной из овец в стаде Ноя, предпочитаю казаться глупой, да какой угодно, до тех пор, пока не выйду из тени, до тех пор, пока не наступит время сделать свой ход.

«Снаружи» – это игра на выживание.

«Внутри» – это игра умов.

Мы не нужны Ною, не о наших жизнях он думает – он пользуется нами и скажет, что угодно, лишь бы мы думали так, как надо ему. И даже сейчас, сделав свой следующий ход,

Ной просчитал всё с поразительной точностью, позволившей нам на подсознательном уровне проникнуться доверием к его персоне.

Ной не предлагал выбирать жертву. Ной предложил каждому стать спасителем.

О, да... этот парень чертовски умён! Начав игру и подставив под стрелку моё имя, он выбрал того, кто сделает следующий ход, того, кто укажет на следующего спасённого. И так по цепочке. Каждый выбывший будет спасать одного из оставшихся претендентов на смерть и таким образом... на рулетке останется лишь одно имя. Мы не укажем на него – оно останется там по воле случая.

Ной предложил это. И, разумеется, вряд ли кто-то ещё кроме меня понял истинные умыслы этого парня. Марша предлагала всем стать убийцами, а Ной предложил им выбор.

Теперь кому-то просто придётся смириться с тем, что он остался последним. С тем, что так легли карты и никто из нас в этом не виноват.

Ной мог бы предложить просто крутить рулетку, но тогда он бы не создал доверительной атмосферы и не обязал бы нас чувством благодарности друг к другу.

И все, конечно же, согласились – не подыхать же дружно в этой комнате.

Марша, после речи Ноя больше не произнесла ни слова; опустила на один из матов и видимо раздумывает над тем, как уговорить кого-то из остальных выбрать её имя.

– Ханна? Пора. Твоя очередь. – Бобби, взяв на себя обязанности руководящего процессом, отходит в сторону и кивком приглашает меня к рулетке. – Не забывай: крутить надо медленно и плавно, без перепадов скорости. Когда стрелка будет под нужным именем, просто убери руку.

Не двигаюсь. Пытаюсь убедить себя, что всё это правильно, что всё это – наш единственный выход, но... ни черта это не правильно! Однако... другого выхода у нас действительно нет. Мы просто крысы в одной клетке.

– Ханна? – поторапливает Бобби. – Нет смысла тянуть время. Нам нужно это сделать.

Опускаюсь на колени перед рулеткой и смотрю на слоты с именами.

«Ладно, Ной, не я начала эту войну. Её начал ты, а значит, мне тоже нужны пешки в этой игре. В таком случае я сделаю свой ход и заручусь поддержкой и доверием того, кого смогу использовать против тебя в будущем. Лотти – моё оружие против тебя, Ной».

Плавно двигаю диск влево, раздаётся несколько щелчков, убираю руку, и стрелка замирает над именем «Лотти».

Поднимаю взгляд... не на девушку, а на Ноя и вижу, как его голова склоняется набок, а на губах растягивается удовлетворённая улыбка.

– Лотти? Ты следующая, – командует парадом Бобби.

– Спасибо, Ханна, – шепчет та, проходя мимо меня. – Бобби, я выбираю тебя.

И теперь стрелка указывает на имя здоровяка.

Хм... а Лотти не так глупа, как кажется.

– Эм-м... спасибо, Лотти, – слегка опешив, отвечает Бобби и опускается на корточки перед рулеткой. – Я за тебя, парень, – кивает Ной и переставляет слот с его именем под стрелку.

Это было предсказуемо.

– Ной? Твоя очередь.

Чувствую, как его взгляд прожигает мой лоб, когда он проходит мимо, а затем...

– Марша, – просто говорит Ной, крутя рулетку, и девушка вздрагивает. – Я выбираю тебя.

Простите, но я не могу сдержать улыбку – губы сами в ней растягиваются.

– Эм-м... – Марша не сразу овладевает даром речи. – Я... я... – Прочищает неловко горло и поднимается с мата. – Ты серьёзно?

– Да, – простодушно пожимает плечами Ной и кивает на рулетку. – Твоё имя уже погасло.

Хитро, Ной. Хитро. Теперь твой авторитет в глазах остальных вырос вдвое. Теперь ты ещё благородством отличился.

– Я... я... Кайла, я за тебя.

Слот с именем «Кайла» гаснет, и та едва тащит своё слабое тело к рулетке. Кайла всё ещё убита горем, отчего слаба.

– Я не знаю... Не знаю, кого выбрать, – судорожно вздыхает, приседая перед рулеткой. – Не знаю.

– Выбери меня – не ошибёшься, – подмигивает ей Арс. Шон рядом с ним так сильно нервничает, что пот большими каплями стекает по его лицу, а на ворота футболки образовалось большое тёмное пятно.

Перевожу взгляд на Линка. Тот тоже нервничает, не так демонстративно, но всё же...

«Пожалуйста, пусть это будет Линк. Пусть имя Поузи останется единственным на этой дьявольской рулетке!»

– Кайла, выбирай.

– Я... я просто выберу Адель и всё, – Кайла крутит рулетку.

– Меня? – отзывается француженка, чьи глаза теперь напоминают большие блестящие шары. – По-почему меня?

Кайла пожимает плечами:

– Просто. Просто так, ясно?! – И девушка возвращается на своё место у стены.

– Адель? – зовёт француженку Бобби.

– Чёрт... нас всего четверо осталось... Всего четверо! – нервы у Шона сдают. – Стойте! Нет-нет! Это неправильно! Так не должно быть!

– Расслабься, чувак, – задирает к нему голову Арс и наплевательски фыркает. – Тут и Боббику ясно, что мне подышать.

– Я выбираю... я... выбираю... Линка, – вдруг оглашает Адель, и сбоку раздаётся тихий облегчённый выдох Поузи.

Проклятье! Адель понятия не имеет какой сволочи спасла жизнь.

– Линк, твоя очередь.

Тот без лишних раздумий крутит рулетку и, лишь возвращаясь на место, ни на кого не глядя, оглашает:

– Я выбрал Арса.

Слот с именем Арса гаснет, и по комнате тут же проносится громкий, выразительный свист.

– Вот это поворот, – закончив свистеть и вернув безразличие своей физиономии, протягивает Арс. – Спасибо, чё.

О чём думал Линк понять не сложно. Генри... Думаю изначально было ясно, что выбор встанет между этим близнецом и француженкой. Генри повезло меньше. Генри нужно было больше себя проявлять.

Не могу на это смотреть.

Опускаю голову и чувствую, как горький ком растёт в горле, а в глазах предательски щиплет.

Паника Шона нарастает, его крики вновь заставляют меня поднять голову и сквозь пелену в глазах продолжить наблюдать за происходящим.

– Нет! Так нельзя! Так нельзя, говорю вам!!! Откройте глаза! Вы что творите?! – вопит Шон. Бобби приходится обхватить его сзади, зажав в тиски, оттащить подальше от рулетки и держать до тех пор, пока весь этот ужас не закончится.

– Он не может умереть! – кричит Шон, глядя на своего брата, который лишь глазами хлопает, прижимает колени к груди и нервно отстукивает подошвами по полу. – Он – мой брат, вы чего?! Совсем что ли?! Да какого хрена мы это делаем?! Хватит! Слышите?! Прекратите это!!!

Всем без слов понятно, кого выберет Арс – они с Шоном вроде как успели подружиться.

– Всё в порядке, чувак, – подмигивает Арс бьющемуся в истерике Шону. – Я спасу твою задницу.

Но видимо что-то пошло не так в голове у Арса. Возможно одну из извилин замкнуло, или их попросту там нет, но... уже спустя несколько секунд на рулетке гаснет имя Генри. А Шон... а Шон вдруг замолкает, лицо застывает в немом испуге, внезапно он вздрагивает со сдавленным вскриком, а затем его тело обмякает в руках Бобби, изо рта вырывается последний судорожный выдох и подборок ударяет по груди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.